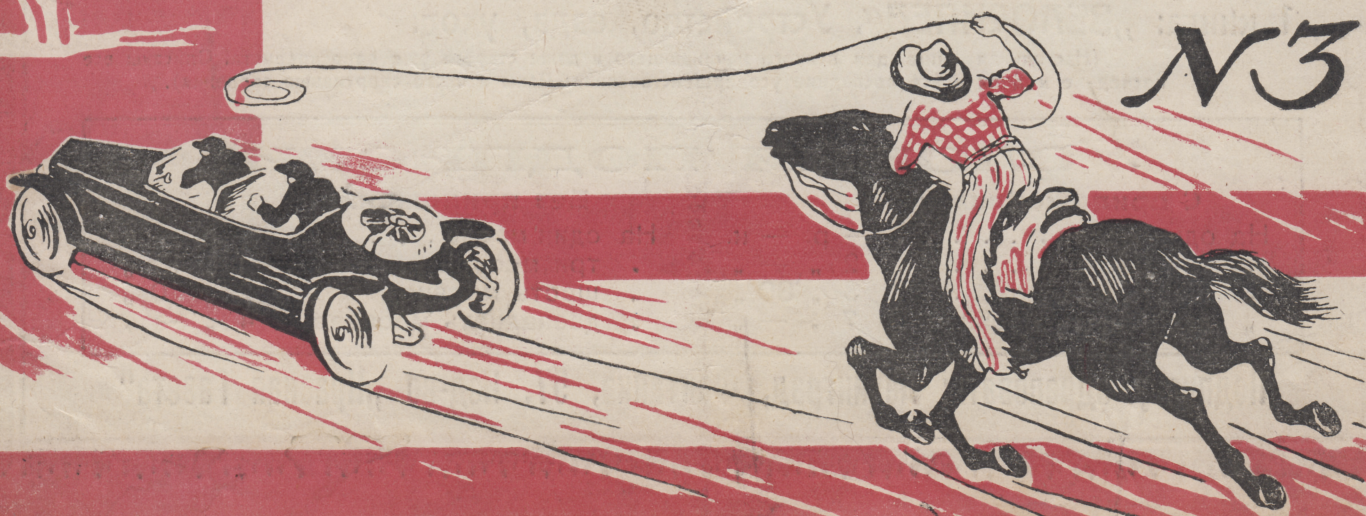
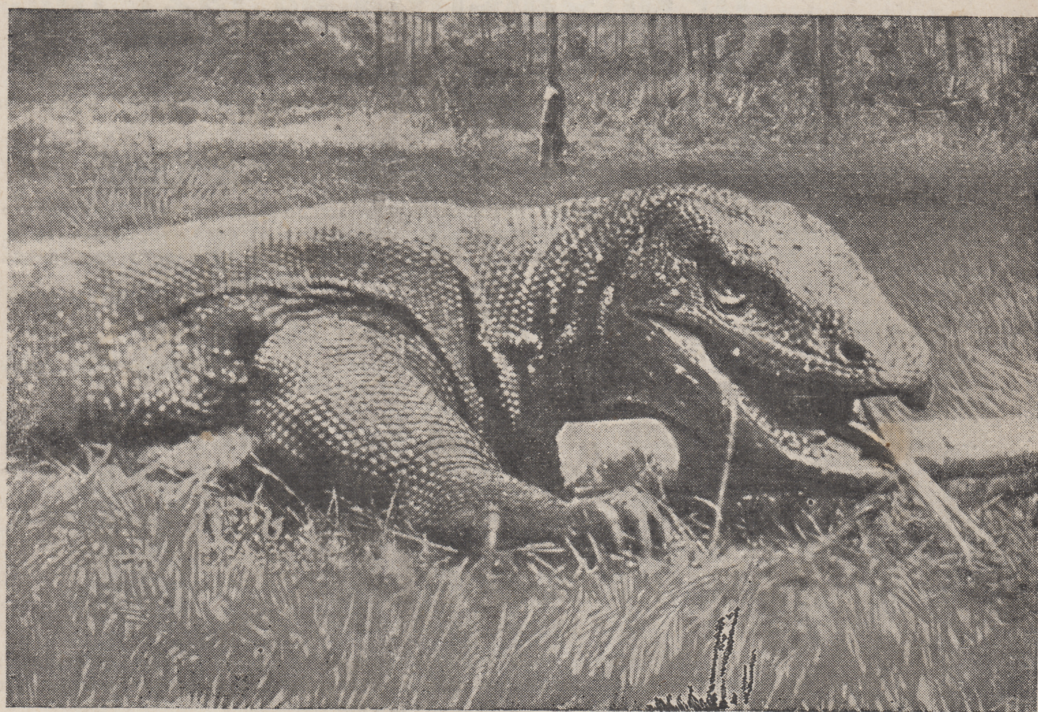


Вокруг Света



**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

- | | |
|-----------------------------|---|
| 3 радио-аппарата. | 12 пар буц. |
| 3 фотографических аппарата. | 12 пар лыж. |
| 6 велосипедов. | 30 пар коньков. |
| 10 самопишущих перьев. | 30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.). |
| 10 кошельков-портмоне. | 100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями). |
| 12 карманных часов. | |
| 12 футбольных мячей. | |

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

## ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.  
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни)

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

## **Условия подписки:**

| С приложениями:                |   |    |    | Без приложений: |                                |   |         |
|--------------------------------|---|----|----|-----------------|--------------------------------|---|---------|
| На один месяц . . . . .        | — | р. | —  | к.              | На один месяц . . . . .        | — | р. — к. |
| „ три месяца . . . . .         | 2 | „  | —  | „               | „ три месяца . . . . .         | 1 | „ 10 „  |
| „ шесть месяцев . . . . .      | 3 | „  | 80 | „               | „ шесть месяцев . . . . .      | 2 | „ 20 „  |
| „ двенадцать месяцев . . . . . | 7 | „  | —  | „               | „ двенадцать месяцев . . . . . | 4 | „ — „   |

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“



ЖУРНАЛ  
ПУТЕШЕСТВИЙ,  
ОТКРЫТИЙ,  
ИЗОБРЕТЕНИЙ  
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:  
Лер. Фонтанка, 57.  
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.  
Тлф. 175-38.

# Вокруг Света № 3

1927 г.  
МАРТ  
15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

**Содержание:** Б. Бродянский „Авария капитана Цорна“. — Ж. Лернер. „На льва без оружия“. — Эд. Жепсон. „Знак нефритовой рыбы“. — В. Мон. „В петле“. — М. Эжильсон. „Ночная угроза“. — М. Эжиган. „Тюлений промысел“. — Л. М. „Кино-трюки“. — \*\* „Вытершие чудовища и т. д.“

## ПОТОМОК ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Как часто фантастические рассказы превращаются на наших глазах в подлинную действительность! Если технические вымыслы известного Жюль-Верна ныне превзойдены современными изобретениями на суше, море и воздухе, то и чисто научные фантазии романистов о разных чудовищах точно также находят себе зачасную научное оправдание.

Наш рисунок изображает огромную ящерицу, которая названа наукой *Varanus Komodoensis*. Эта ящерица, восьми футов длины, со складчатой, чешуйчатой кожей и с длинным, раздвоенным языком была только-что открыта американской научной экспедицией на Комодо, одном из южных Целебесских островов. Экспедиции удалось даже поймать живьем двух таких гигантов-ящериц, как-бы потомков доисторических динозавров, и благополучно переправить их с вулканического острова в Соединенные Штаты, поместив этих диковинных животных в Зоологическом саду, в Бронкс-Парке, Нью-Йорк.





# ВЫМЕРШИЕ ЧУДОВИЩА



Игуанодон (из породы динозавров) стоит подобно кенгуру на задних ногах и рвет словно жирафф листву с дерева.

гиганты-динозавры не ползали, однако, брюхом по земле, а стояли на вытянутых ногах.

Наряду с такими „мирными“ великанами существовали также и хищные динозавры, которые заменяли собой в те далекие времена наших львов и тигров. К таким хищникам относятся, напр., мегалозавр, который своими челюстями, усаженными острыми зубами, хватал травоядных динозавров и питался ими, как современный лев или тигр питается буйволами и антилопами.

Любопытно, что все эти гигантские животные имели до смешного маленький мозг в своей крошечной головке. Не потому-ли и вымерли эти гиганты, уступив свое место животным с большим объемом мозга?

В те далекие времена, когда человека и в помине еще не было, нашу землю населяли такие животные, которые начисто вымерли, не оставив после себя никаких потомков. К таким дикийным животным принадлежат и огромные «динозавры», т. е. страшные ящеры. В свое время они играли на земной поверхности ту же роль, какую в более поздний период играют крупные млекопитающие: слоны, носороги, жираффы и т. д. Подобно этим последним динозавры были травоядными животными: весь лес, все луга и травянистые топи находились в их распоряжении. Похожие по своему внешнему виду на современных нам мелких ящеров,



Скелет мегалозавра (хищного динозавра).



Диплодок — динозавр, пользовавшийся четырьмя ногами (длина 12 саженей, высота — более 2 саженей).



## В ГЛУБЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.

Что человек появился на земле только за последнее время, сравнительно со всей жизнью нашей планеты,—это известно всем и каждому. Наш рисунок и передает наглядно эту смену времен, исчисляемых миллионами лет.

Если бы изобретена была такая «машина времени» в виде автомобиля, на котором мы могли бы отправиться в глубь тысячелетий, непрерывно двигаясь днем и ночью со скоростью 60 верст в час, то понадобилось бы 18 миллионов лет, чтобы добраться до верхней части нашего рисунка. Мы проехали бы на своем чудесном экипаже мимо пирамид древних египтян, первых земледельцев и скотоводов-кочевников, мимо прятаящихся на деревьях первобытных людей-охотников, которые устраивали ямы для огромных мамонтов и других исчезнувших животных. Эти первобытные охотники орудовали огромными копьями, тяжеловесными дубинками или просто камнями. Так докатились бы мы до последних представителей млекопитающих животных. Воздух рассекали бы хищные зубастые птицы, огромные ящеры устраивали бы между собой кровавые гобоища, оглушая воздух дикими воплями, а в то же время на воде плескались бы или из нее выползали на берег огромные «змеи».

Однако, жизнь нашей планеты не останавливается и на последних млекопитающих. Своими глубокими корнями она уходит в таинственную глубину океана, создавая здесь начальные формы всех живых существ.





В последние месяцы зимней навигации 1926-27 года в порт Ленинград из Стокгольма вышел торговый корабль «Вальтер Хелькен».

Против всех морских правил на корабле не было радио-установки. Корабль потерпел аварию...

(Из газет).

# 1.

Стол, пространство в  $2 \times 2\frac{1}{2}$  закапанных чернилами суконного метра отделяли директора театра от полицей-президента.

Директор театра, тучный с мокрым дыханием чело-  
век, негнущимися пальцами поправлял картонную  
манишку и съезжавший галстук. Круглые, зеленные  
глаза директора не мигая смотрели в рот полицей-пре-  
зидента. Директор шепеляво повторял:

— Популярная вещь, всегда хорошие сборы, насто-  
ящая вещь без накладки, доложу я вам, популярная...

Ручка подпрыгнула и скатилась на пол. Заплясали  
карандаши на подставке. Рука в обшлага полицейского  
мундира сжала пальцы. Кулак со свистом прорезал  
облако дыма от дешевой сигары и ударился о доску стола.  
Полицей-президент закричал прозрачным фальцетом:

— Я вам театр закрою... Хотите?!

# 2.

Резкий ветер рвал на портовых улочках обрывки  
синих афиш.

«Гибель Надежды», популярная морская драма в...»  
«Роль капитана исполнит артист...»

Ветер свистел, улюлюкал, леденил тело, срывал сна-  
сти. «Вальтер Хелькен» в ветер и начинающуюся  
бурю пеленговал<sup>1)</sup> рыжий огонь первого створа<sup>2)</sup>.

«Вальтер Хелькен» шел слегка раскачиваясь, его  
корпус скрипел как живой и тысяча косилок, молоти-  
лок и жаток стучали друг о друга в железном брюхе.

Рослый капитан Цорн нажимает рукоятку. Сирена  
шипит паром, а затем воет истощным голодным воем.

На гафеле<sup>3)</sup> одного из судов по флаг-фаллам<sup>4)</sup>  
поползли пестрые флажки: трехцветный — лазоревая,  
белая и красная полосы, синий вымпел с белым шаром  
и оранжево-черные шахматные клетки.

— Желаем вам приятного плаванья, — закричал  
утреватый ирландец Бир, сигнальщик «Вальтера Хель-  
кена».

— Поднять благодарственный!

— Есть, поднимаю!

Штурман Дорбст повернулся круто на одних каб-  
луках. Капитан Цорн не отрывал глаз от большого  
бинокля.

— Я сомневаюсь, чтобы этот рейс был вполне  
приятным... Ледовый рейс, Стокгольм — Ленинград на  
«Вальтере Хелькене», «приятный» рейс!! Ха...

— Замолчите, штурман. Вас слышат...

— Дьявол побери! Вчера вся команда была в театре.  
Когда дают «Гибель Надежды» в театре нет места ни  
одной селедке... Занятная пьеса: дырявую, железную, —  
нет, деревянную, — лоханку страхуют и посылают в  
море... Ребята клянутся, что капитан на сцене как  
две капли воды похож на вас, господин капитан...

Бычья шея Цорна налилась кровью.

— Да, но ведь и я рискую своей шкурой. И до ком-  
бинаций нашего хозяина...

...— вам будет дело, когда мы вместе примем ледя-  
ную ванну.

Бир, угреватый ирландец-сигнальщик, не проронил  
ни одного слова. Мелькали маяки.

# 3.

В кубрике<sup>1)</sup> дымно горел фонарь. Вокруг койки  
Бира толпились сменившиеся с вахты матросы.

За исключением Бира все шли в Ленинград по пер-  
вому разу. Бир, с видом бывалого человека, описывал  
клуб иностранных моряков.

Он странно прищелкнул пальцами:

— Ленинград, ну, понимаете, ребята, это родина тех,  
у кого нет родины; а разве у тебя, Фриц, или у тебя,  
Карл, она есть?.. Все будет хорошо, если мы дойдем...

— Ты болтаешь вздор, Бир!

— Нет, Бир не болтает вздора. Бир слышал раз-  
говор на мостике. Когда, Карл, твой дедушка, строил  
куры твоей же бабушке, «Вальтер Хелькен» уже бол-  
тался в океанах. Пятьдесят лет — хороший срок для  
металлической кастрюльки... Пятьдесят лет работы и  
последний капитальный ремонт двадцать лет тому на-  
зад...

— Замолчи, Бир...

Железо клешней сдавило руку Карла. Бир потащил  
его за собой по трапу<sup>2)</sup>. Мелькнул четырехугольник  
люка.

— Смотри...

Рука Бира взметнулась вверх, туда, где над мачтами  
трепетали холодные звезды, звезды скитаний и моря.

— Где антенны? Их нет... Тю-тю... Немое судно...  
Понял?.. Хо...

— Немое судно. У нас нет радио! — печальным  
эхом повторил Карл.

Распахнулась дверь рубки. На палубу выпрыгнул  
капитан Цорн.

— Лед право по носу...

<sup>1)</sup> Взял направление,

<sup>2)</sup> Указатель пути — лоцманский знак.

<sup>3)</sup> Наклонный брус, укрепленный на мачте.

<sup>4)</sup> Особые веревки.

<sup>1)</sup> Помещение команды.

<sup>2)</sup> Лестница.



Начинался шторм.

Над Балтикой летели мутные облака.

Барометр падал стремительно вниз. Бир, сигнальщик Бир, болтался на мостике.

В районе острова Секар старый «Вальтер Хелькен» попал в дрейфующие<sup>1)</sup> льды.

Льды громоздились, скрежетали, царапали обшивку, размыкались под форштевнем, чтобы сомкнуться за кормой. Старое судно трепетало, как звезды в морском небе, потрясемое ударами.



— У него тоже есть дети. Оставим его суду!

Бледный капитан Цорн шарил биноклем горизонт.

— Штурман, мы должны повернуть...

— Куда, капитан? Дрейфует вместе со льдами. Разве вы не видите...

— Да... Попробуем...

Договорить не удалось. Круглое бревно сшибло штурмана с ног; впрочем, не бревно, а покотившееся тело капитана...

— К помпам...

Стрелой летел Бир. Бир летел быстрее штормовых туч; матросы обгоняли Бира; одно слово сверкало над гибнущим судном:

— Помпы!

<sup>1)</sup> Передвигающиеся с места на место под влиянием ветров.

Льдина раздробила обшивку и вода ледяным потоком вливалась внутрь, сокрушая переборки.

К полночи были залиты трюмы.

— Ребята! — закричал Бир. — Ребята, застрахованная кастрюлька идет ко дну... Сходи на лед...

И матросы покинули судно.

Вместе с матросами сошел капитан Цорн. «Вальтер Хелькен» успокоился на дне Финского залива, укрывшись за метрами глубины.

Старик хорошо поработал.

— Вас бы следом, господин капитан...

Кучка людей цеплялась друг за друга.

— Будь проклят владелец. Немое судно. Даже помощи, даже сигнала...

— Замолчи, Бир!

— Без радио! Кастрюлька без радио...

— Замолчи!

Люди дрожали. Горсточка людей на льдине. Надрывно кашлял Карл, кутая тощую шею.

— Мы не увидим Ленинграда!

— Капитана в полынью! Капитан!

Бир выскочил, заслонив капитана.

— У него тоже есть дети. Оставим его суду!

— Сами мы суд!

— Смотрите! — закричал пронзительно Карл, — Ленин!

— Ленин! Ленин!

Люди метались в радости, махали шапками, забыли о самом существовании капитана Цорна.

Прожектор веретеном сверлил темноту.

Надвигался ледокол.

Постановка пьесы «Гибель Надежды» решительно воспрещается.

Полицей-президиум порта.



Это не художественный вымысел, а правдивый случай, описанный очевидцем и с его слов записанный нашим видным ученым, Н. О. Лернером.



# НА ЛЬВА БЕЗ ОРУЖИЯ

Довелось мне как-то прочитать в одной немецкой газете о таком происшествии.

По железной дороге перевозили зверинец. В наглухо затворенном, темном товарном вагоне помещалась клетка с двумя львами. Поезд потерпел крушение. Часть вагонов оторвалась и свалилась под откос. Но вагон со львами устоял на месте и остался цел. Когда его отворили, оба льва лежали мертвые. Их убило нервное потрясение. Они не вынесли шума, лязга, криков и стонов раненых, а главное — неизвестности... Кто сказал бы, что этот крепкий, могучий зверь может оказаться таким нежным и нервным? И однако это так.

И тут вспомнилась мне другая история, рассказанная очень умным, образованным, чуть не весь свет изъездившим русским путешественником, Н. Н. Волжиным. Передаю ее так, как была она когда-то изложена им самим.

— Слышали вы, — начал он однажды, — о парфорсной охоте на льва верхом, с собаками и без оружия, только со стэком для коней и собак?

— Как это с собаками и без оружия?

— Да, вот именно, без оружия и с собаками. Вы знаете, что я, хотя считаю метким стрелком, но совсем не охотник. Могу подолгу любоваться красивым зверем на воле, не испытывая ни малейшего желания лишить его жизни. На некоторых озерах киргизской степи, в устьях Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, в особенности в те времена, когда там русского поселенца еще в помине не было, так что некому бывало истреблять и распутивать дичь (туземец не так охотно бил), и потом на Белом и Голубом Ниле я, бывало, целые часы и даже целые дни, а иногда и ночи напролет, забывая есть и пить, жадно глядявываясь и вслушиваясь, любовался жестами и движениями разнообразнейших птиц, впитывал их живую радость, как бы сам горя и трепеща ею... И у меня на совести — ни единой птичьей жизни.

Но в Англо-Египетском Судане, в Уганде, нельзя не сделаться охотником, хотя бы минувя птиц и на короткое время, тем более в обществе охотников, преследующих крупного зверя. Тут приходится применять оружие и владеть им надо метко: за ваше безучастие или промах опасный зверь может жестоко отомстить, если не вам, так вашему соседу.

Дело было именно там, в Англо-Египетском Судане, близ западной границы Абессинии. Чаше, чем в иных

местностях Африки, там встречается лев. Там, а также в Уганде и Британской Восточной Африке, лев от обилия дичи не так кровожаден и дерзок, как, например, в Атласских горах, где поживы, вне человеческого жилья, гораздо меньше. Встречая человека, лев обыкновенно уступит дорогу и обойдет стороною, даже несколько львов поступят также. Вообще человеком он не интересуется, если человек сам его не беспокоит, и считается зверем относительно добродушным, во всяком случае не самым страшным.

Правда, про льва говорят в Англо-Египетском Судане, как у нас в Туркестане про тигра, будто, испробовав человеческого мяса, он другого и не желает. Обыкновенно же он предпочитает мясо зебры. Мне говорили в Судане, что страшнее льва, если только он не ранен, следующие по порядку звери.

Вздорный, капризный, неистово-стреми-тельный носорог. Он полуслеп, но зато и чуткист. Едва пахнет на него общененавистным в животном мире человеческим запахом, как он, мгновенно взбесившись, вдруг с необыкновенной для его громоздкой туши и коротких ног быстротой, ринется в направлении запаха, ни с чем не считаясь. Один ли вы или будь вас хоть сотня, мирный путник или охотник, пеший или конный, хоть целый караван на ходу, носорог бросается, очертя голову, по пути топча, разбрасывая, тыча и пронзая ужаснейшим и, как пика, острым, носовым ро-гом и взбрасывая в небо кого и что попало. Одно спасение: живо под ветер от него и не шевелитесь: ураганом проскачет в нескольких шагах и не заметит. Стоит ему перестать чутать человеческий запах, он, мгновенно забыв, зачем скакал и буянил, остановится, завертит хвостом, совершенно как свинья от великого удовольствия, удовлетворенно захрюкает, займется своим носорожьим туалетом и ну преаппетитно щипать траву или объедать поросль, как ни в чем не бывало. Рассказывают, что в Абессинии в старину, пользуясь чрезвычайной близорукостью носорога и норовя держаться под ветром, устраивали конные бои с носорогом, как в Испании с быком.

Затем — раненый, но еще могущий свободно двигаться буйвол. Этот и сам увлекается охотой и, в свою







очередь, обращает охотника в дичь: таится, делает ему засады. Как известно, в борьбе с буйволом даже лев не всегда победитель. Особенно страшны его, так сказать, стопудовые удары острыми рогами с налета.

Затем — слониха, когда она защищает слоненка и при этом обращается как бы в движущуюся огнедышащую гору.

И даже леопард, всегда незаметный, до такой степени он искусно маскируется и затаивается, гибкий как змейка, быстрый как молния и неимоверно злоющий, словно в нем сидят целых десятка збесившихся кошек.



И уже затем, — добродушный суданский лев. Хотя нельзя не прибавить, что львица гораздо свирепее и, главное, хитрее льва. Но раненый лев — всегда страшен.

Местность охоты, о которой я вам рассказываю, была такова: умеренно всхолмленная и довольно обрывисто изрезанная долинками и овражками каменистая равнина, поросшая более или менее густо кустарником, кое-где выше человеческого роста, даже вдвое выше, усеянным колючками. Там и сям редкие, сильно погнувшиеся в направлении господствующих ветров, невысокие деревья с широкими и плоскими вершинами. Для засады, для скрада полное раздолье.



На большой, ровной и сравнительно открытой и чистой поляне — охотничья ставка. Несколько тесно расставленных палаток, открытая дымящаяся кухня, коновязь, склады всякого охотничьего и походного добра, с четырех сторон ночные костры. Все это — в тесном кольце из неплотно набросанных кустов колючки, сажени в полторы высотой, и с одним лишь узким проходом, который на ночь закладывается тоже колючкой. И ночные костры, и колючка — главным образом от львов. Лев неженка и боится занозить лапу, чтобы не пришлось голодать; сквозь колючку он обыкновенно не продирается и даже через нее не прыгает.

Наша компания охотников набрела на ставку совершенно случайно. Хозяевами ставки оказались тоже охотники, белые, симпатичные, преинтересные люди. Прислуга разноцветная, носильщики же сплошь чернокожие. Исключительно для парфорсной охоты и именно на льва — до десяти лошадей и до тридцати собак, из которых две-три гончие, а остальные боевые, напоминающие догов.

Обыкновенно в эти места лошадей и иных верховых и вьючных животных, и даже собак, во всяком случае, помногу не берут, главным образом из-за смертоносной мухи цэ-цэ. Тяжести здесь носят исключительно люди.

На ставке днем большое оживление и даже горячка, кроме того времени, когда, в урочный или не в урочный

час, воистину всеядные негры, непременно объевшись, если есть чем и если дать им волю, спят вповалку, как и где попало. Снуют за водой и топливом, готовят пищу, кормят-поят и чистят коней, кормят собак и живьем изловленных зверей, прибирают ставку, моют белье и всякое тряпье, у кого что есть, чистят оружие, препарируют костяки и шкуры убитого зверья и упаковывают в тюки и вьюки, — все это, конечно, по указке белого, либо обученных иноцветных. И при этом негры голосисто перекликаются, балагурят, пересмеиваются и хохочут во все горло и во весь рот, как никто; кривляются, паясничают, переругиваются, ссорятся, дерутся и мирятся, поют и при всяком случае пускаются в пляс под свою иступленно-дикую музыку из там-тама и дудок... Ленивее, беспечнее, забавнее и веселее негра — редко кто. Его улыбка и смех, с полным оскалом крупных белых, как кипень, и хищных-таки зубов, донельзя заразительны. Негр, какого бы ни был племени, то пренаивный трус, то яркий герой. Случалось, что на охоте негры, даже от сущих пустяков, разбежались, все бросая и рассаживаясь по деревьям, как птицы. Но те же негры, когда хорошо вышколены и особенно когда верят в вашу пулю, надежные и ловкие подручные. Если они не избалованы и не испорчены белыми и не разболтались, могут быть очень преданными спутниками. Могу даже сказать с удовольствием, что они очень часто оказываются преданными и верными товарищами, что, согласитесь, ставит их высоко на лестнице мировой нравственности. Вербуемые из племен «шулук» и «динга» (по Белому Нилу) черные батальоны — надежная часть англо-египетской армии. Очень хороши и сенегальские стрелки, обслуживающие французский Судан. У негра есть, однако, большая слабость — он большой любитель выпить. Вот почему ангичане в своих африканских владениях совершенно запретили продажу спиртных напитков и жестоко наказывают тех, кто продает неграм спиртное.

Ночью на ставке неугасимо горят костры, чтобы отпугивать зверей, в особенности львов, и раздается усердно укрощаемый сторожами собачий неистовый брех и нестерпимо зловеющий вой в честь льва же. Так что с непривычки вы спите тревожно.

И вдруг, — будто вас кто сдернул с койки... Словно гора трснула и разразилась; полились потоками, сотрясая, казалось, и небо, и землю, невероятные, сверхестественные звуки и, чудилось, рядом, так что рукой поймать...

То заревел лев!

Немного погодя ответил другой, еще несколько, и пошла умопомрачительная переключка, то в унисон, то вперебой. От зари и до зари львы пели свою однообразную и потрясающую ночную песню.

Кто слышал рев льва лишь в зверинце, в клетке и, значит, рахитичного, чахоточного, обессиленного болезнью и неволей, жалкого, тот и не вообразит, что такое рев полного могучей жизни, вольного льва в сухой и звонкой, как хрусталь, пустыне и — ночью.

Львиный рев сразу как бы охватывал, крыл, наполнял, поглощал, ходуном шатал, пронзал и расплющивал все и вся и гремел отовсюду: и издалека, и жутко-вблизи, и с неба, и из-под земли, и в вас самих. С непривычки так захватывало, что ничего другого нельзя было ни ощущать, ни сознавать.

Повторяющийся куплет таков: сначала редкие и протяжные громовые вздохи и как бы извержения звука целыми огромными скопами, словно бы в колоссальном пустом зале с оглушительным резонансом сразу и как один трубили десять оркестровых басов;



затем, все чаще и отрывистее и, наконец, замирая, переходило в длинное, сладостное рокотанье, словно огромная водопроводная труба клокотала и хрипела, захлебываясь водою.

Пауза и — сначала.

Обыкновенно лев ревет несколько приподняв голову, но иногда — в землю, от чего звук получается как бы раздавленный и гуще, так что еще невероятнее. Надо сказать, что лев в особенности опасен не тогда, когда гремит во всеуслышание, на весь свет, а вот когда крадется и ворчит-мурлычит; значит, голоден. На басах большой гармоники и последовательно, то глубоко и протяжно разводя (выдыхания), то коротко и отрывисто сводя (выдыхания), можно намекнуть на львиный рев, но без заключительного клокотания-рогота... Припоминаю картинку, виденную мною когда-то в старом английском журнале. В уютной комнате большое общество разных возрастов справляет рождественскую ночь, и при этом рассказываются разные ужасы. И вот как раз, когда заговорили о львах, вдруг под окном раздался львиный рев... Одни — кто куда, а другие остолбенели, глаза на лоб и волосы дыбом. Оказалось — соскучившийся осел. И вправду, несколько похоже, конечно в значительном уменьшении.

Мы полюбили эти львиные ночи. Когда, покинув ставку, мы перешли впоследствии в места, где львы гораздо реже и львиный рык почти не слышался, нам как-будто не доставало чего-то необычайно привлекающего.

Рано утром на ставку прибежал, запыхавшись и весь в поту, какой-то соседний негр и, кривляясь, то делая странные рожи, то звонко смеясь во всю глотку и во все лицо, с широкими, красивыми жестами, рассказал через переводчика, что вот только что и всего за полверсты и там-то (знак!) видел своими вот собственными глазами (ткнул!), как лениво, шажком и еле переваливаясь (изобразил!) и словно наевшись до отвала (изобразил!) проплелись кустами и туда-то (знак!) несколько во-о-о каких львов (показал!).

Тотчас же распорядились живо седлать коней, соорудить боевых собак, сбить гончих в стаю, а оружия — отнюдь не брать.

Негры, во много рук, мигом оседлали и подали. Охотники, переодевшись в легкое охотничье хаки и закулив преимущественно трубки, ловко по команде сели на-конь и, взяв двух коноводов, а очевидца за седло на круп и разобрав сворки, веселою и бодрою компанией на свежих и игравших коньках, и еле сдерживая собак и на сворках и в стае, поскакали легким галопом, как бы на пир.

Когда, минут через десять, прискакали на место, то набросили гончих. Они заерзали, заискали и вскоре же нашли душистый след, приняли, повели, совершенно особенно взлаивая и воя, как бы пунктиром, а через версту заварили варом как по зрячему... Не забыть упомянуть, что для сбережения и натаски собак их в предыдущие львиные охоты в дело не вводили и львов убивали пулей, чтобы дать собакам внюхаться, покусать, порвать и обозлиться.

За собаками поскакали, почти не отставая, охотники, и некоторые несколько рано стали уверять, что в версте впереди уже различают мелькающих зверей, что было мало вероятно, так как весь рыжий лев (у суданского льва не черная, а рыжая грива), на общем рыжем же фоне местности совершенно незаметен, разве что в движении, да и то невдалеке.

Вскоре действительно шагах в двухстах стал разборчиво мелькать всего один единственный лев, ко-

торый неспешно и даже беспечно, то рысью, то скачками уходил, виляя меж кустов. И сейчас же всадники несколько попридержали коней, чтобы не нарезать и заблаговременно дать собакам окружить льва, когда нырнет под куст или вообще остановится.

Лев ленив. Далее двух-трех верст не убегает, и — в куст.

Наконец лев засел-таки в большой куст, просторный и чистый снизу, который мгновенно, с налета окружили собаки кольцом и шагах в восьми-десяти от льва, плечо в плечо, не высываясь и в сторону не отходясь, и началось более удобное для собак облаивание льва на месте.

Лев, говорят, на кучу не бросается, а собаки, на первых же охотах жестоко поплатившись за неосторожность, умудрились — и вот старательно ровнялись, с брехом тычась вперед, но от земли цепко-таки не отходясь и как бы усердно сдвигая ее на льва.

Охотники подъехали шагов на пятьдесят, сбросили со сворок бесившихся боевых собак, которые пулей ринулись в кольцо, а сами спешили и разошлись кто куда кругом куста — разглядывать льва и чикать сними шагах в двадцати и даже в десяти.

Лев то поджимался, как для прыжка, то садился, то вставал, то ложился, озирался, оборачивался. То заворчит, то твякнет, как орех раскусит, и своеобразный чадный и едкий запах его дыхания разносился кругом, опьяняя и собак и людей. То тяжело бил хвостом и себя по бокам и землю, то вдруг уставится во что, дыбом поставит весь лес гривы и оскалит зияющую, как пропасть, ужасную пасть, и вас озадачивало, как если бы внезапно вам в глаза раскрылся большой зонт или же из-за угла вырвался огромный, пышущий огнем паровоз — и вот раздавит.

Лев — даже обидно — не обращал ровно никакого внимания на сновавших кругом его белых, словно их вовсе не было, и все только пристально и как будто откуда-то издалека сверху вниз разглядывал невиданных собак, а его прищуренные и горевшие, как фонари, глаза выражали и недоумение, и брезгливое презрение. И в самом деле, что льву самая сильная и смелая собака?! Одного удара хвостом, одного шлепка, вернее — хватки лапой достаточно, чтобы от собаки — бездыханная, кровавая куча, грязная тряпка. Ведь пара львов в какие-нибудь четверть часа в лоск разделяют носорога с вершковкой броней и раскрывают его как книгу, вырывая двухвершковыми клыками десятифунтовые куски мяса и больше.

Озадаченный наглостью собак, их множеством и строем, оглушенный их сверлящим и назойливым визгом и грубым, тупым и неотступным брехом, всею этой безобразной какофонией, лев как бы растерялся и, поверите ли, не знал, как ему быть с этой мразью. Собаки же своим неистовством не давали ему сообразить.

У льва и от гнева и от напряжения, чтобы прыгнуть молнией для хватки, для разгрома врагов, постепенно мускулы, как живые, разбухли, торчком выпирая кожу; сухожилия напряглись как струны и резко обозначились; жилы налились допьяна и вспухли, нарисовав частую сетку, как у кровного коня; по хребту легла глубокая ложбина, и все могучее тело подобралось, заиграло шишками и продолговатыми, короткими и длинными буграми, как хлебцы, ямками и ровчками, и — словно рябью, как вода от ветра.

Пробыв девять минут под первым кустом, лев вдруг, в несколько скачков, переместился под другой, шагах в сорока и почти такой же. Врасплох застигнутые с той стороны собаки мигом разбежались с высо-



чившими, как говорится, от ужаса глазами, и с каким-то даже писком; иная словно раздавленная расстилась по земле с неестественно задранной совсем назад и на льва головой, будто на вывихнутой шее. Но мгновенно лев был опять, как петлей, захлестнут собаками, истерично возликовавшими, что уйти ему — не удалось.

Лев опять оказался в роковом кольце из собак. К новому кусту тотчас же перебежали и охотники. И продолжалось старое.

Собаки надсаживались до-нельзя, и тут-то мне в особенности стало очевидно, что значит: «Лезть вон из кожи». Отдельного тьяканья уже не стало слышно, а гудел слитый сплошной гам и будто бы не тридцать было

обыкновенного и ловишь-видишь, и разумеешь, и мне показалось, что я отлично понял и льва, и собак, уразумел их голос и жесты и читаю в глазах. Из собачьих взаимных переглядок и перекличек, из оглядок на охотников — за поощрением или похвастаться — я понял, что собаки сознательно ругательски ругали льва, и именно, чтобы заругать его до смерти, и с совершенною надеждою на успех.

У льва нестерпимо рябило в глазах и гудело в ушах. Его мучило. Он брезговал и презирал. Он завяз в собаках. Так вязнут в болоте.

В его гордых и великолепных глазах я прочел возмущение.

— Я лев, страха не знаю и смерти не боюсь, но дайте же мне ее иначе!

Лев переменял два куста и кончил жизнь под третьим — на двадцать второй минуте этой странной охоты залаиванием и, так сказать, забрасыванием грязью.

Под конец со львом вдруг случилось нечто чрезвычайное, и сразу же и собаки, и люди сунулись ближе, хотя с опаской. Кто-то при этом радостно завопил:

— Смотрите, смотрите! Сейчас — конец!

У льва почти разом помутились и потухли пылавшие бесстрашием гордые глаза, и он, сидя сгорбившись и тяжело осунувшись, стал ими рассеянно и безучастно обводить людей и собак, как бы уже пустыми или чужими, и все с большим усилием ими поводя...

С трудом вытянувшись грудью вверх, подняв и запрокинув свою величавую голову, взглянул, но уже недвижными и невидящими глазами в зовущие, синие дали родившей его пустыни и — то ли проститься; затем, свесив непомерно уже отяжелевшую голову на бок, хотел, повидимому, взглянуть быстрым взглядом, как орел, в родное ясное небо и — то ли возроптать, но глаза уже не слушались, и лев, как бы в изнеможении, опустил ниц все сразу сморщившееся и жалкое-жалкое, как в глубокой старости, лицо с закатившимися навсегда очами и уже более его не поднимал; словно борясь с одолевавшей дремотой и силясь собрать неудержимо разбегавшиеся мысли и что-то самое нужное вспомнить, он все стремительнее и глубже погружался в широкие, призывные и для всех ласковые объятия вечного сна...



собак, а всего одна, колоссальная, и вот словно из ее голосистого горла беспрерывно веревку травили. Она и брехала, и рыдала, вопила, выла, визжала, ревмя-ревела, ахала, пронзительно трубила, басила... и все это — одновременно.

Что до меня, то каюсь: искренно и по справедливости уважая пса за усердие, самоотвержение, преданность и верность, воистину непоколебимую и до последнего издыхания, я не терплю его назойливый и деревянный брех.

В минуты, все же скоротечные и столь растянутые, редкой необычной охоты гораздо легче и больше



Льва вдруг зашатало, и, чтобы не упасть, он инстинктивно расставил шире передние лапы, с величайшим усилием отодрав их от земли, к которой они словно пристыли.

Затем, повидимому, лев хотел было еще раз рывнуть: «Вы мне не страшны!», хотел зевнуть от уже охвативших его холода и дремы смерти, но, как дальняя зарница, только сверкнула и потухла слабая судорога, — мышцы уже не повиновались.

В лице и во всей фигуре льва разлилась и прекрасно нарисовалась неисходная смертная тоска о покидаемом.

Мне стало нестерпимо и до слез жалко льва, как всегда безумно жаль все сильное, благородное и величественное в непоощадные минуты предсмертной немоги.

Льву один был исход, и ему нужно было — умереть.

И через миг почти уже наступившего небытия, как будто судьба наконец сжалилась и скорая молния, щадя, поразила, лев, молча затрепетав и как бы от отвращения к пережитому смрадному позору весь содрогнувшись, мертвый пал на землю, и сомкнутые уста его окрасились благородною кровью.

Гордое сердце не выдержало поругания и разорвалось.

Одним редким и прекраснейшим зверем, былинным богатырем и гордостью матери-пустыни. стало меньше.

Лев кончил жизнь без страха и не побежденный. Сломало его отвращение, но не враг.

Не перестававшие, но осторожно, наседать и все так же неистово лаявшие псы, словно из почтительности, отскочили было, но вспомнив, вероятно, что они ведь псы, набросились и, составив звезду, впились, распяли мертвого льва, истерично захлебываясь от злости и торжества.

Что может причинить песий зуб шкуре льва, пышному львиному убору? Но, чтобы не запачкали, псов оскорбительно, чем попало, отогнали.

Когда со льва сняли кожу, стало еще яснее, до какой степени вся физическая красота его — только в коже.

Сознаюсь, что такой хамский способ охоты жестоко меня огорчил и лишней раз разочаровал в человеке и внушил отвращение к неповинным, впрочем, псам.

Почему, спрашиваю, так обидно, а не пулей, бесстрастной и нелицеприятной, одинаково, неизбежно достающей и казнящей и человека, и последнее из животных?

А вот, дескать, почему. Парфорсная охота с собаками вовсе не новая выдумка, и случается, что африканские степные волки целой стаей загоняют льва до смерти, как рассказано, помнится, у Ливингстона, — это раи. А во-вторых, пуля слишком быстро все кончает. Не успеешь хорошенько разглядеть льва, полюбоваться и насладиться всем, что ему дали многие тысячелетия борьбы за суще-



Затравленный лев. (Фот. снимок автора, Н. Н. Волжина).

ствование, всем, чем он обладает для боя, всей его поразительно могучей и, можно сказать, бронзовой мускулатурой, гордостью и картинностью поз, огнем и рисунком движений, совершенством выражения его чувств, даже его гримасами — до последней черточки, до последней морщинки...

От глубокой древности, докуда восходят человеческие предания, лев, где его воочию либо по наслышке знали, неизменно олицетворяет людям высшую степень мощи, мужества и благородства. Человека сильного и доблестного, рыцаря без страха и упрека, нарицают Львом, Львиным Сердцем. Человека твердого и непоколебимо верного человечеству, дружбе и честному слову...

Безоружная охота на льва кончилась. Печальный поехал я обратно.

Вот что рассказал мне старый путешественник.

Сообщил Н. Лернер.

С пятого номера начнет печататься повесть

В. Т А Н А (Богораза):

„СТАРЫЕ и НОВЫЕ“

Часть первая:

(„Подружейная дука“)

Иллюстрации худ. И. П. Королева.



# Семь новых испытаний

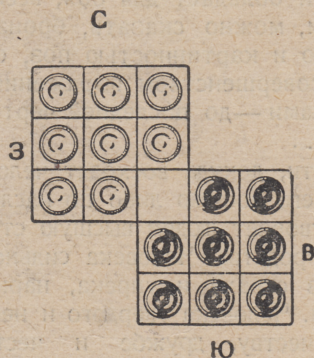


## Выгодная ли сделка?

После долгих переговоров относительно условий и заработной платы, я нанял работника, чтобы выкопать погреб на своей новой даче. Он требовал поденной платы в 7 рублей. Но мне хотелось закончить работу поскорее, а потому мы столковались с ним на 8 рублях в день, при том условии, однако, что за каждый просроченный день он мне заплатит 15 р. пени. Работа была закончена в 60 дней. Но если бы мы при расчете исходили из нашего соглашения, то работа погреба не стоило бы мне ни одной копейки.

Как вы полагаете, сколько дней проработал работник?

## Какова степень ваших логических способностей?



Вам предлагается испытать свое терпение и находчивость, но прежде всего срисуйте в увеличенном размере изображенный здесь рисунок, чтобы свободнее распоряжаться фигурами шашек. На верху разместите 8 белых шашек, как показано на рисунке, внизу — 8 черных.

Предлагается сделать перемещение обеих групп — черных на северо-запад, а белых — на юго-восток.

Вы можете передвигать шашки с одного квадрата на другой, с правом перескакивания одной шашки через другую на свободный квадрат. Передвижение и скачки должны, однако, производиться только на север, юг, восток и запад и, ни в коем случае, не по диагонали.

Попеременно двигать черные и белые шашки — не обязательно. Передвигайте их в любом порядке, но держитесь только горизонтального и вертикального направ-

ления. Для начала, как видите, шашки могут двигаться или перескакивать на север, юг, восток и запад. Запомните ваши ходы, записывая их в последовательном порядке, нар., ход к востоку, скачок к западу и т. д.

Задача была бы легкой, если бы вы разрешили себе любое количество ходов и скачков. Но чтобы действительно испытать быстроту вашего мышления, попробуйте сделать минимальное количество скачков и передвижений т. е. 46. Это отнимает у вас некоторое количество времени, но даст вам возможность испытать себя и проверить ответ в следующем номере журнала.

## Все дело в смекалке.



Из трех шестизарядных пистолетов стреляли по одной и той же мишени, причем все 18 попаданий расположились, как указано на изображенном рисунке. Все трое стрелявших получили одинаковые призы.

Можете ли вы мысленно распределить эти 18 выстрелов в три группы с одинаковыми результатом попаданий.

Быстрота вашего решения послужит доказательством вашей изобретательности и сообразительности.



## Способность к быстрому счету.

Один торговец привел в некоторое заведение кассира банка, предъявив ему для размена билет в 200 долларов со следующей просьбой: «Дайте мне, пожалуйста, несколько знаков по одному доллару, в десять раз больше двух долларовых билетов и остающуюся разницу в 5-ти долларовых билетах.

Определите способность кассира к быстрому вычислениям, а также и свою собственную.



## Ваша способность к математике.

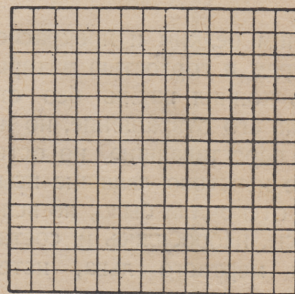
— Это не шутка, когда вечно срывается с крючка самая крупная рыба! — сказал старый рыболов. — Величайшая рыба, когда либо виденная мною, морочила меня целых три часа и, в конце концов, перескочив через лодку, сорвалась с удочки.

Склонный к цифровым вычислениям этот рыбак продолжал свои размышления.

«Я высчитал, что голова этой рыбы была длиной  $2\frac{1}{2}$  дециметра, туловище было на 1 дециметр короче общей длины головы и хвоста, тогда как хвост был на 5 сантиметров ( $\frac{1}{2}$  дециметра) короче, чем половина общей длины головы и туловища.

Можете ли вы проверить рассказ этого рыболова, сосчитав мысленно, какова могла быть длина этой сорвавшейся рыбы. Количество затраченного для этого времени будет служить вам доказательством ваших способностей к арифметическим вычислениям.

## Склонны ли вы к анализу.



Решение этой задачи будет свидетельствовать о ваших способностях к анализу и быстрому восприятию геометрических форм.

Однажды, почтенного возраста дама получила в подарок стеганое одеяло, представлявшее собой ручной труд ее 11-ти внуков. Каждая девочка выполнила работу одного большого квадрата, состоявшего из нескольких малых квадратов. Эти квадраты различных размеров были соединены вместе для составления стеганного одеяла, размером  $13 \times 13$ , как показано на рисунке. Потребовалось немало искусства девушек, чтобы соединить эти мелкие кусочки.

Можете ли вы начертить первоначальные 11 составных частей стеганного одеяла? Попробуйте это сделать и проверьте ответ в следующем номере журнала.





В. Иона

Проваливайте к чорту или куда хотите. Я вас не держу!

— Есть, капитан!

Кочегар Георг Рате весело посмотрел на порт и на дома Вильи Нуэвы, громоздившиеся на берегу. Потом он сошел вниз, достал горячей воды и принялся усердно смывать жирную угольную пыль с рук, лица и со всего тела. Кривой Вандерлит заинтересовался:

— Что за ненормальная чистоплотность?

Ты что, в город?

— Совсем ухожу.

— Вот болван!

Георг Рате одел свой единственный костюм, любовно завязал пестрый галстук, сунул в чемоданчик рабочую рубашу, штаны, немного чистого белья и пошел за расчетом. Потом он пожал товарищам руку и через четверть часа стоял на набережной; с любопытством оглядываясь кругом, он медленно отправился в незнакомый город.

Войдя в скверик, он увидел человека, вид которого говорил, что у него бесконечно много свободного времени. Протянув вперед ноги в синих брюках с изрядной бахромой и отодвинув на затылок потрепанную шляпу, он сидел на скамейке под невесело зеленой пальмой, ел апельсин, медленно выплевывая зернышки, блаженно грелся на солнце и разглядывал проходивших мимо сеньорит. Рате стал комбинировать испанские слова.

— Извините, сеньор, как мне попасть на улицу Кортец?

— Вот так штука, никак земляк? — ответил незнакомец по немецки.

— А как же!

— Зоорово! Очень рад видеть немца в этой оперной стране.

— Ладно! — подумал Рате. — Его не мешает порасспросить. — Он уселся рядом на скамейку.

— Откуда вас несет? Непохоже, чтобы вы приехали с чековой книжкой в кармане для этнографических изысканий.

— О чековой книжке и речи нет, — сказал Георг Рате. — В Роттердаме я нанялся кочегаром на «Слот Ловенстеен» и прокатился сюда. Захотелось поглядеть на свет.

— Удрали с парохода, а?

— Ничего подобного. Мы с капитаном расстались полюбовно, и он заявил мне, что таких лодырей, как я, ему не требуется.

— Боюсь, что вы дали маху.

— Ой-ли! Да вы, верно, не знаете, что это за адский труд в кочегарке. Верблюд и тот не выдержал бы. Полагаю, здоровый человек и здесь сумеет найти работу.

Незнакомец издал протяжный свист и закончил трелью.



Вот так штука, никак земляк?

— Здесь в стране, где никто принципиально ничего не делает? Какая же у вас профессия?

— Да разного перепробовал за четыре с половиной года. После войны три года служил в фабричной конторе. Потом нас скушал Стиннес, и я стал чернора-



бочим. Затем слонялся, продавая газеты и тому подобное. Наконец, мне надоело, и я пробрался в Роттердам, без паспорта, конечно.

— Бог ты мой! Что ж вы решили, что люди тут только вас и ждали, чтобы привести в порядок вечно пассивный баланс?

И он костлявой рукой принялся тереть худощавый, покрытый темной щетиной подбородок; получился звук, как от чистки старого котла.

— Послушайте, до общего краха я был банковским служащим в Карлсруэ. Полгода тому назад я прибыл сюда и стал доказывать здешней публике, что, нанимая меня на службу, они тем самым на верном пути к богатству. Мне бы ответственную должность, заведывание филиальным отделением или в этом роде... Нет? У меня тогда еще были часы; когда их не стало, круг моей службы сужился. Предлагаю, не надо ли бухгалтера, корреспондента... Тоже, к сожалению, нет? Ну, могу и счетоводом, ну, наконец, посыльным, черт возьми! Ничего не поделаешь; в Барселоне, в Аликанте, здесь. В конце концов, я все же занялся торговой специальностью: продал на базаре штаны. С тех пор я щеголяю вот в чем.

Он с кислой улыбкой на тонких губах указал рукой на свой костюмчик.

— Вы слушаете? Потом мне фортуна улыбнулась, и я две недели выметал навоз из цирковой конюшни. После этого мне удалось получить место полового в здешнем трактире. Там я хоть сыт был. Ну, а сейчас я живу испанским гидуальго.

— Многообещающая страна, — подумал Рате. — Ладно! — сказал он. — Не так это страшно. Работают же люди везде. У меня здоровые кулаки, да и голова у меня на месте, работы я не боюсь, значит, что-нибудь да найдется.

Сосед посмотрел на него с насмешливым добродушием.

— Вы на меня не сердитесь. Вы, верно, играете на гитаре. По крайней мере, у вас совсем такой вид, этаким вы блондинистый молодчик. И, наверное, вы с чувством распевали:

За горами край желанный  
И Испания цветет...

Ведь правда? А барышни смотрели на вас томными глазами и вздыхали: «Ах, как вы чудно...» Как вас, впрочем, звать?

— Георг Рате, — ответил тот, смеясь.

— Очень приятно. Шренк. — Итак: «Ах, как вы чудно поете, герр Рате!» Или: «Обожаемый мой Жоржик!» Смотря по тому. А когда вы дома попали в критическую полосу, вы сразу прикатили сюда, ожидая встретить специальный рай для своего частного употребления. Советую вам, миляга, возвращайтесь обратно. В конце концов, и на родине жить можно.

— Как вам сказать! Если вы служащий или рабочий, и вам в субботу выдают жалованье, то тратьте его сейчас же, а то в понедельник вы на эти деньги только прокатитесь на трамвае в два конца. Если же у вас есть доллары, то ничего, жить можно.

— М-да! Откуда их возьмешь? Куда вы, собственно, здесь собирались?

— На улицу Кортес, в «Морскую Звезду».

— К мошеннику Альваресу? Да он вас мигом оберет, как липку. Я живу в Валенсии, в четырех километрах от порта вверх по реке. Хотите, я вас устрою у своей хозяйки? Это будет куда дешевле.

И не дожидаясь ответа, Шренк взял чемоданчик и взвесил его в руке.

— Не убедительно. Газета у вас имеется?

— В чемодане найдется. Зачем вам?

Был жаркий мартовский полдень; людей на улице было мало. Шренк встал, подошел к месту, где недавно начали чинить ограду, взял три кирпича и вернулся обратно. Он тщательно завернул кирпичи в газетную бумагу, сунул их в чемодан и закрыл его.

— Так-то будет солиднее. Теперь тащите!

## II.

Сначала он ел на обед мясо; кочегарская служба приучила его к хорошей пище. Затем он перешел к рагу из объедков, обильно сдобренных перцем. Потом он стал есть хлеб с луком, макая его в постное масло; и это не плохо, когда есть хочется.

Рате уже три недели жил в Валенсии. Сапожник Гонзалес и его жена Пиа Долорес, почтенная женщина с голосом, как свисток боцмана, сдали ему и Шренку заднюю коморку. Товарищ он был хороший, Шренк, то-есть; главное, веселый. Так что жить было бы нескучно в новом городе, если бы не вынужденная праздность. Пожалуй, не так бы уже плохо было гулять по многолюдным улицам роскошного города, у старинной городской стены или в эвкалиптовых аллеях на берегу реки, если бы не то грустное обстоятельство, что деньги подходили к концу скорее, чем он этого ожидал. Шренк жил частью случайным заработком, а частью — и при том большей частью — святостью и воздержанием, иногда же занимал у Рате; парень он был обходительный.

Рате бегал по газетным объявлениям, простаивал очереди у биржи труда, но постоянная работа не наклеивалась. С горя он уже думал искать счастья в другом городе, но Шренк его удерживал.

— Бросьте, — говорил он, — куда вы пойдете? Хорошего места вам теперь все равно не найти; научитесь сначала прилично говорить по-испански. Кроме того, время теперь кризисное; сейчас легче вылететь на мостовую, чем получить службу.

— Ну, уехать в другую страну, что ли?

— То-есть, куда? Германия подыхает с голоду; в Англии есть свои безработные; Франция на пятом году после войны тоже не особенно нуждается в голодных немцах. В Штаты вас не пустят, а чем трогаться в Южную Америку, так уж лучше остаться здесь. Попали мы с вами в петлю. Нынче много таких, как мы с вами, шатаются по свету; это называется: восстановление Европы. Ну, да ладно; закусим пока луком.

Что они и сделали, а хозяйка в кухне вела бесконечную дискуссию с мужем по вопросу о длительности своего трудового дня.

Однажды, когда Рате заплатил ей, по уговору, за неделю вперед и пересчитал содержимое своего кошелечка, он пришел в мрачное настроение. Ну, еще несколько дней, — а потом что? В это время Шренк пришел домой, весело помахивая газетой.

— Все хорошо, что хорошо кончается! — кричал он. — Мы нашли работу. Читайте. Вот тут, жирным шрифтом.

И он ткнул пальцем в большое объявление:

— Сагунто. А/о. «Меркурий».

— Сагунто? Что это еще за болото?

— Во-первых, это не болото, дорогой сэр, а заводский город, в 30 километрах отсюда. В Испании вообще нет болот и климат, как вы могли заметить на себе, здесь замечательно здоровый. А во-вторых «Меркурий» — крупнейшая фирма. Чугунно-литейные, железо-обрабатывающие заводы, чорт знает, чего



у них нет. Одним словом, они расширяют предприятие и требуют литейщиков, прокатчиков и т. д. Вот!

— Да какие же мы с вами квалифицированные металлисты?

— Ничего, все образуется. В крайнем случае, будем вагонетки подталкивать. Ну, баста, старина. Завтра утром мы едем туда и постушаем на завод.

На другое утро они отправились с первым поездом. Уже на вокзале их поразил необычайный вид городка. На улицах стояли толпы народа, и разъезжали полицейские патрули.

— Что это значит? — сказал Шренк. — Впрочем, нам какое дело. Вот и завод; пойдем.

Оказалось все же не так. В городе уже два дня как была объявлена забастовка. Все заводы стояли. Шренк посмотрел на Рате, тот посмотрел на Шренка. Лица у них вытянулись.

— Так вот в чем дело! Они, сукины дети, искали штрейкбрехеров.

Они прошли по затихшему городу и сели отдохнуть. На вокзале же узнали, что очередной поезд уже ушел, а следующий будет только под вечер. Денег у них было в обрез. Злые и голодные, они сели наконец в вагон. За две минуты до отхода поспешно вошло двое мужчин. Один из них, с бритым лицом лимонного цвета, вежливо спросил, свободно ли место.

— Как видите, — ответил Рате неприветливо. Испанцы не смутились. Другой, цвета полупрожаренного бифштекса, с усами торчком, воскликнул:

— А, сеньоры иностранцы! Ну, как вам нравится наша страна?

— В данную минуту не очень.

— Почему же?

— Экий словоохотливый народ, — подумал Рате, а Шренк сказал:

— Мы надеялись получить работу в Сагунто, а там как раз забастовка.

Испанцы очень мило выразили свое участие и спросили, не англичане ли они. Получив ответ, они сразу просияли.

— О, значит мы почти союзники! Для нас особенное удовольствие быть в обществе представителей такой великой нации!

Можно по разному относиться к национальному вопросу вообще и испанскому красноречию, в частности; но попасть из безработных бродяг в представители великой нации было, положительно, приятно. Немцы с достоинством улыбнулись. Человек лимонного цвета сказал:

— Мы несколько лет были свидетелями героической борьбы, которую вы вели против всего света.

А бифштексный испанец прибавил:

— Может быть, сеньоры тоже участники войны?

Да, они служили. Рате больше во время отступления, а Шренк сидел в Мазурских болотах и в Фландрской грязи; отчаянное это было свинство и порядочно надоело. Постепенно они разговорились. Когда они рассказали про злоключения последних недель, испанец с усами сделал участливый жест:

— О, без связей, конечно, бывает трудно. Я путешествую для фирмы Алонзо Перетц и Ко; у нас как раз освободилось место корреспондента. Ведь, сеньоры знают английский язык? Ну вот, как хорошо. Это место один из вас мог бы получить. А для другого сеньора тоже нашлось бы что-нибудь.

Рате толкнул Шренка ногой: «Повезло!» Положительно, эти брюнеты были милейшие люди, немножко провинциалы и смешны, но какие сердечные! Рате и Шренк поблагодарили испанцев, взяли их адреса и хотели проститься, но те их удерживали.

— Мы бы с удовольствием провели еще часок в вашем обществе. Не окажете ли вы нам честь поужинать с нами?

Из вокзального ресторана потянуло жареным; против этого властного аргумента нельзя было устоять. Они прошли несколько улиц; вечерняя жизнь уже протнлась. Теплый ветер томи; улица гудела. Они вошли в укромный трактирчик и сели за деревянный столик.

До еды они уже успели опрокинуть несколько стаканов вина. Потом подали баранье рагу с бобами и разными специями. Испанцы были правы: это, действительно, была великолепная еда, только с очень острыми приправами, от которых еще больше хотелось пить. Ослабленные длительным постом и отвыкшие от вина, немцы быстро охмелели и чувствовали себя так хорошо, как никогда. А испанцы все угощали, да угощали.

— Ваше здоровье, сеньор!

— За скорое поступление на службу, сеньор!

Испанец лимонного цвета засмеялся.

— У меня оригинальная идея. Заставим Перетца с компанией содействовать братанию народов; пусть они тоже заплатят за пару бутылок. Я напишу счет накладных расходов, сеньоры подпишутся. Это будет забавно. Эй, дайте-ка нам еще вина!

Он достал бланк и перо и стал что-то писать. Потом он сунул бумагу Рате.

— Теперь подпишите.

Тому идея спяна тоже показалась забавной. Он подписал, не глядя на бумагу. То же самое сделал и Шренк, перед которым все кружилась в пестром вихре.

С блаженным лицом он подозвал гитариста и угощал его вином.

— Рате, милый человек, сыграй мне на гитаре. Я должен петь!

У Рате пальцы уже не повиновались. Гитарист вместо него подбирал аккорды, а Шренк заливался:

За горами край желанный,  
И Испания цветет,  
Где тенистые каштаны...

### III.

На другой день Рате проснулся с сильной головной болью. Он лежал на нарах в грязной каморке. Против него храпел Шренк. Тусклый свет падал через решетку окна.

— Что за чорт? Шренк, вставайте!

Он растолкал приятеля. Что это? Неужели они в пьяном виде наскандалили и угодили в участок.

В коридоре послышались шаги. Он хотел открыть дверь. Дверь была заперта. Рате стал стучать, никто не отзывался. Тогда он принялся, что есть мочи, колотить кулаками в дверь.

— Тише там! В чем дело?

— Откройте!

Шаги флегматично удалились, потом снова пришли какие-то люди, загремел засов, и дверь открылась. Появился унтер с двумя часовыми.

— Отчего вы нас держите? Где мы?

— В казарме, как записавшиеся в иностранный легион.

Шренк засмеялся.

— Что за ерунда? Это недоразумение. Вы не имеете права нас задерживать. Пойдем, Рате!

— Стойте, не то хуже будет! — сказал унтер и прибавил назидательно: — Как можно так скотски напиваться; вы даже не помните своих обязательств. Впрочем, я вам покажу бумагу. Пойдем в канцелярию.



Их отвели под конвоем через ряд коридоров. В канцелярии за столом сидел вахмистр, флегматичный толстяк с отеками глазами.

— Вчерашние немцы скандалят, — отрапортовал унтер.

— Ага!

Вахмистр достал толстую папку и вынул документ.

— Вы подписали контракт о поступлении в иностранный легион и расписались в том, что пропили вербовочные деньги. Вот ваши подписи.



он подписал, не глядя на бумагу.

Шренк взглянул на бумагу.

— Это вчерашний счет, Рате. Подлецы!

— Это недоразумение! — вскричал Рате. — Мы вчера ужинали и под хмельком...

— Молчать! Благодарите свою судьбу, жалкие бродяги, что вы еще попали на службу, а не на каторгу. Мы уже знаем, что вы у себя дома натворили.

— Это наглая ложь!

В ту же минуту Рате зашатался от сильного удара в переносицу. Вахмистр стоял перед ним с красными глазами и размахнулся вторично.

Рате хотел броситься на него, но на них навалились солдаты, скрутили им руки, и, подбадривая пинками в шею и ударами ногой, отвели обратно. Их втолкнули в камеру; хлопнула дверь.

В припадке бешенства Рате ревел и колотил ногами в дверь. Шренк успокоился первый.

— Послушайте, не будьте бабой. Вы только испортите наше положение. Телеги с навозом все равно не перевоняешь. На бумаге наша подпись, и формально они правы; тут ни один черт ничего не поделает. Лучше покоримся и удерем при первом случае.

Но такого случая не представлялось. Больше недели их держали в казарме и сторожили, как каторжников. Потом вместе с другими, такими же, как и они, под сильной охраной повели на вокзал и посадили в вагоны. В закрытых вагонах, и все время под стражей, их около суток возили по широкому плоскогорью, покрытому ковылем. Наконец, опять блеснула темно-синяя полоса моря; они подъезжали к Алжесирасу. Тут их пересадили на колесный пароход, старое провонявшее корыто, и они двинулись в Гибралтарский пролив. Шренк становился все мрачнее. Хмуро глядел он на окружающий их сброд и на широкую бухту, окаймленную яркой зеленью, среди которой в одном месте расположились белые домики. Это была Сеута, место ссылки для испанских каторжников, а ныне исходный пункт операций против риффов.

— Теперь мы окончательно на дне и вне общества, — сказал он Рате. — Вот наш круг — он кивнул на легионеров, — да и тот нас плохо принимает. Мы теперь отбросы, пойми ты, мы просто никому больше не нужны.

— Как не нужны. Утешайся мыслью, что ты едешь прокладывать путь акционерным обществам к неиспользованной руде. Вот спроси у сержанта, за что ты будешь сражаться, и он скажет тебе: за свободу и цивилизацию — или же, по всей вероятности, просто съездит по морде.

— Брось это зубоскальство; лучше подумай о том, что удрать нам теперь будет куда труднее. За нами море, а впереди пустынные горы и враждебные племена. Нет, теперь конец.

— Пустяки, — сказал Рате, — теперь только начинается.

(Окончание слобует).



## НА ТЮЛЕНЬЕМ ПРОМЫСЛЕ

Белая ледяная пустыня, куда ни посмотри. Солнце ослепительно ярко сверкает на снежном покрове, одеваемом матерой океанский лед.

Гармонию белого безмолвия нарушает единственное темное пятно. Зверобойное судно ледокольного типа медленно пробирается сквозь льды. Нехотя раздаются по сторонам тяжелые ледяные глыбы, пропуская судно, и снова плотной стеной смыкаются за кормой.

На горизонте показалась странная черная птица. Ближе, ближе... Слышится характерное жужжание пропеллера. Это вылетевший с острова Моржовец разведочный аэроплан. Вот он пролетел над судном и полетел дальше. Сделав несколько кругов, он возвращается обратно к своей базе.

Через час радист приносит капитану на капитанский мостик коротенькую радиogramму. Капитан расшифровывает ее. Наблюдатель с аэроплана сообщает, что тюленья залежка обнаружена в таком-то квадрате.

Капитан смотрит на карту, всю поделенную на квадратики, и находит квадрат за указанным номером. Он дает судну нужное направление и пробивается к залке.

— Полный вперед! Стоп! Малый назад! Малый вперед!..

Команда ежеминутно сменяет команду. Послушный телеграф передает ее вниз, в машинное отделение, и звонком сигнализирует об исполнении.

— Залекка справа по носу! — кричит вниз с укрепленной на фок-мачте «марсовой».

Зверобой высыпает на палубу. Все взгляды устремлены вперед в указанном направлении. Судно идет малым ходом. Вскоре впереди можно заметить черные точки, рассеянные на льду.

— Стоп!

С ловкостью белок спускаются по трапу одетые в защитные белые балахоны стрелки. Вот они рассыпались цепью, словно солдаты на позиции, и неслышно крадутся, прячась за ропаками, приближаются к залежке.

Сухо резнул воздух одинокий выстрел. За ним другой, третий... Охота началась.

Бьют тюленя исключительно в голову. Раненый в другое место, тюлень уходит под лед через полынью. Но если даже его удастся убить — польза от него невелика: шкура испорчена.

Подкрадываться к тюленям приходится очень осторожно. Кажется, что эти ленивцы, нежащиеся на весеннем солнышке, беспробудно спят. На самом деле, сон их очень чуток. Это скорее не сон, а легкая дремота. Достаточно подозрительного запаха, легкого шороха или скрипа, как тюлень пробуждается, поднимает голову и на-



Свежевание зверя.

в воду. Но если поблизости нет полыньи, он может броситься на охотника. Бывали случаи, когда неопытные охотники вынуждены были спасаться от разъяренных тюленей на ропаках (высоких льдинах). Особенно опасна утельга (самка), защищающая своего белька (детеныша).



Тип промышленника-мезенца (стрелок).

Когда ветром или приливом лед сжимает, закрывая все полыньи и отдушины, охота на тюленей превращается в настоящую бойню. Их расстреливают в упор, бьют в течение одних суток по несколько тысяч.

Стрелки идут, постреливая, все дальше и дальше вглубь залежки. Следом за ними выходит вторая партия зверобоев, так наз. «снимальщики». У этих нет винтовок. Все их снаряжение — длинные багры с железными наконечниками, которые помогают им пробираться по льдинам, лямка через плечо и широкий острый нож.

Найдя убитого тюленя, «снимальщик» схватывает его за лапы, переворачивает на спину и ловкими быстрыми движениями снимает с него шкуру с толстым, вершка в полтора, слоем жира. Через несколько минут на льду остается темно-красная раушка — освеженная туша. Ее бросают на месте, а шкура поддевается на багор или лямку и стаскивается в кучу — «выгрут». Пароход подходит к выгрусам и грузит добычу на палубу.

Молодых тюленей — белков и хохлуш — зверобой бьют просто баграми по голове. Маленькие белые пушистые шарики — они беспомощно глядят на приближающегося охотника человеческими испуганными глазами и издают жалобные бляения. С них иногда торопливые охотники снимают шкуру живьем. Охотник уже ушел вместе со шкурой, а раушка продолжает еще ворочаться...

Нагрузка полностью свои трюмы, судно идет в Мурманск на разгрузку. За сезон (февраль — май) обычно совершается два рейса. После второго рейса судно идет с добычей в Архангельск. В порту тюленью шкуру обрабатывают: от нее отделяют весь жир, который поступает на салотопенные заводы. Шкуры откладывают на других заводах, а частью вывозят в сыром виде за границу.

Тюлений промысел — основной заработок многих жителей побережья Белого моря и Ледовитого океана. Из года в год ходят ни на промысел, на ледоколах и собственных лодках. Им часто приходится рисковать жизнью, зато при удаче один промысел кормит их круглый год.

Мих. Джиган.

чинает осматриваться. Не видя ничего, он быстро успокаивается и снова погружается в дремоту.

Но этого мало. На свою чуткость, тюлени все же не полагаются. Они выставляют специальных «часовых», которым спать «на посту» строго воспрещается. Эти часовые непрестанно осматривают окрестности и, заметив опасность, подают криком тревожный сигнал. После сигнала все спящие моментально пробуждаются и стремятся спрятаться в воду. Поэтому обычно лучшие стрелки «снимают» сначала часовых, а затем уже бьют остальных. Тюлени слышат выстрелы, но, не слыша предупреждения часового, не придают им большого значения.

Тюлень не такое уж безопасное существо, каким его обычно считают. Раненый, но недобитый, он спасается



# НОЧНАЯ УГРОЗА

Таинственная история в самом сердце Африки,  
в неисследованном Конго.

*Рассказ Чарльза Эжильсоха.*



Восходящее солнце едва коснулось одних только верхушек огромного леса. Туман густыми клубами носился над рекой. В тенистых местах над широколиственными водяными растениями висели мириады насекомых: москитов, огромных комаров, коромысел и бабочек с ярко изукрашенными крыльями.

В великой лесной тишине вечно царствовал полумрак. Здесь громадные растительные паразиты, чудовищные ползуны и выюны, сплетались и расплетались между собой в кустарнике и, подобно змеям, обвивали гигантские стволы деревьев.

Чем выше поднималось солнце, тем все более усиливалась жара и тем нестерпимее становился ослепительный блеск от поверхности реки.

Лесная тишина вдруг нарушена была громким сопеньем или фырканием, всего более похожим на хрюканье свиньи.

Одновременно послышалась грузная поступь, чьи-то тяжелые шаги там, где лесная опушка почти вплотную подходила к реке.

Раздирая кустарник показался, наконец, носорог. Он стоял одно мгновение по колено в грязи и, подняв к солнцу свою голову, потянул носом воздух. Затем снова хрюкнул с каким-то чувством удовлетворения и совершенно неожиданно бросился в грязь, по которой и принялся кататься, задирая вверх свои короткие ноги.

Через минуту он снова поднялся, обильно покрытый жидкой грязью, которая стекала с его боков, с его длинной, выпяченной верхней губы и с его безволосого, свиного хвостика.

Носорог, очевидно, блаженствовал в грязевой ванне. Она была так прохладна и так освежала его, несмотря на свой отвратительный запах. Он вскинул свою голову и еще раз фыркнул, прочищая свои ноздри от попавшей в них грязи.

И вдруг резкий звук выстрела, огненная вспышка в темноте кустарников, еще одно фыркание и старый носорог, присев сначала задом, словно кошка, затем рухнул в жидкую грязь.

Там он лежал тихо и спокойно, полузакрытый грязью. Пуля, ударив в толстую кожу под его левую лопатку, проникла в самое сердце.

Две фигуры появились на берегу реки. Мужчина лет сорока, с черной бородой и изрядно потрепанным шлемом на голове. Другой был юноша, глаза которого сияли гордой радостью. Громко смеясь, он переложил свою еще дымившуюся винтовку с одной руки

в другую и обратился к стоявшему около него мужчине.

— Я уложил его с первого же выстрела! — воскликнул он.

— Да, выстрел добрый, Гарри — отвечал другой. — Он не мог видеть нас, но если бы не упал замертво, то показал бы нам. Наше счастье, что он был у нас с подветренной стороны.

Белая птица из породы белых цапель пролетела в этот момент над их головами и, высоко поднявшись, скрылась за рекой.

— Это его страж, советчик и друг — сказал мистер Тремлет, указывая на птицу. — Когда я заметил ее вчера, то заранее уже знал, что носорог находится где-то здесь. Дело в том, Гарри, что у носорогов очень развито обоняние, но видеть они могут только на расстоянии десятка шагов впереди себя и то лишь по прямой линии. А носорожья птица — паразит. Она неделями питается за счет своего старого товарища, выклеывая клещей из его спины. Впрочем, за свой стол и комнату она платит тем, что предупреждает носорога о приближении возможной опасности.

Когда она с криком поднимается в воздух, носорог моментально пропадает. Мы захватили его сегодня утром еще до того, как прилетела его птица. Туземцы с ума сойдут от радости. Они нажрут до отвала и растянутся на три дня с бурчащими животами.

В этот момент показалось трое молодых Бангала, туземных негра. Это были стройные, широкоплечие люди, которые не носили никакой одежды, за исключением коротких юбок или широких поясов, сделанных из древесных волокон. Несмотря на свои толстые губы и расплоснутые носы, они выглядели бы совсем не плохо, если бы их лбы не были изукрашены рубцами их племени; эти рубцы походили на безобразные волдыри.

Увидев мертвое тело носорога, они всплеснули руками, словно дети, разом бросились в грязную лужу и, содрав кожу с чудовища, принялись отрезать от него целые куски, промывая в реке грязное мясо. Этой ночью в лагере Тремлета была целая оргия. Вокруг яркого лагерного костра туземцы распевали свои песни, плясали и пировали до самого рассвета.

Два европейца наблюдали за ними несколько издали, сидя за особым костром.

— Когда же приобретут африканские туземцы необходимую предусмотрительность — сказал Тремлет. — Эти парни едва не помирали с голоду в течение двух недель. Но они и не подумают вывалить на солнце



и оставить прозапас хотя бы часть той туши, которую они с остервенением поедают теперь и от которой оставят только кости да кожу.

— Ты знаешь, — сказал молодой человек — я думаю, что не уложи мы носорога, у нас на следующий день не осталось бы ни одного Бангала. Они и так уже ворчали за последнее время, стараясь убедить нас в необходимости обратного пути. Они говорят, что здесь местность — заколдованная, а в лесах живет злой дух.

Тремлет сжал свой кулак и крепко ударил им по открытой ладони другой руки.

— Что бы ни случилось, назад мы не повернем! — объявил он. — Ни одного белого еще не видела до сих пор эта река. Мы в ста милях от равнины Конго. А там, из-за чрезвычайной редкости птицы и зверя, даже нам одним прожить трудно, не говоря уже о полдюжине Бангала, каждому из которых ровно ничего не стоит уничтожить в один присест десять фунтов мяса. Нет, я намерен проследить эту реку вплоть до ее истоков, нанести на карту каждую ее извилину, несмотря на всех демонов во всей Африке.

Юноша немного помолчал.

— Хотел бы я знать, что они нашли там особенно страшного или таинственного? — промолвил он задумчиво.

Тремлет пожал только плечами.

— Фетиш! — ответил он. — Все в этой стране управляется фетишем. Туземцы Конго готовы верить всему, что говорят их колдуны. Но в данном случае есть и некоторое основание: лес как будто населен людоедами и пигмеями.

Тремлет взглянул в лицо своему сыну и затем рассмеялся, чтобы рассеять все его страхи.

— Тебе нечего тревожиться — продолжал он. — Я намереваюсь расставаться с рекой, Гарри. И если бы в худшем случае нас атаковали пигмеи, мы всегда сможем уйти от них на своем челне. Да нет и никаких оснований предполагать, что пигмеи находятся вблизи нас. Они без мяса жить не могут и едва ли мы найдем их в той части леса, где так редки и зверь и птица.

Как ни велик был аппетит Бангала, или скорее их прожорство, они не могли все же покончить со всем носорогом в одну ночь. Наевшись до того, что им даже дышать было трудно, они улеглись спать прямо на землю и ни один из них даже не пошевелился вплоть до самого восхода солнца.

Тремлет полагал, что беспокоить их совсем не надо. Он хорошо знал туземные привычки и ясно сознавал, что не добьется от них ровно никакой работы в течение двух или трех дней. И все же в это утро он столкнулся с таким случаем, которого никак не мог объяснить.

Открытие это было сделано Гарри. Он стоял у погаснувшего костра и оглядывался, словно что-то потерял. Наконец, тихим голосом он позвал своего отца.

— Послушай! — спросил он. — Много ли из всей туши уничтожили наши парни за эту ночь?

Тремлет, повидимому, был этим вопросом несколько изумлен.

— Полагаю, — заметил он предположительно, — что около половины носорога уже нет. Я знаю, что десяток туземцев в два дня уничтожает целого гиппопотама.

— Но наши-то не могли ведь уничтожить всю тушу, не правда ли?

— Конечно, нет!

— Ну, а тогда хотел бы я знать, куда же делась оставшаяся половина носорога? Ведь от него кроме кожи ничего не осталось!

Тремлет оглянулся и широко раскрыл от удивления свои глаза. Затем он тихо свистнул про себя.

— Здесь что-то совсем неладное, — заметил он серьезно. — Все, что мы застрелили, они считают более своим, чем нашим. И я ума не приложу, что же придется сказать им?

— Но как ты сам объясняешь эту пропажу? — спросил сын.

— Вот этого-то, как я сказал тебе, я и не могу удовлетворительно объяснить! — засмеялся отец. — Все это довольно таинственно.

— Может быть пигмеи? — предположил Гарри. Тремлет пожал плечами.

— Это почти невероятно! — сказал он. — Если бы сюда забрались пигмеи, то едва ли эти обжоры, да и мы с тобой, остались бы живы. Укради эти ди-кари тушу носорога, они не утерпели бы, чтобы не пустить в ход свои луки или, по крайней мере, свои копья. Да я и не допускаю близости от нас к.-н. пигмеев.

— Ну, тогда леопард, может быть?

— Это возможно, но мало вероятно, — сказал Тремлет. — Разве леопард, даже осwirепевший от голода, подошел бы к огню, а ведь лагерный костер горел всю ночь. Эх, мой мальчик, я не столько думаю теперь о причине, сколько о том впечатлении, которое произведет этот случай на наших людей, когда они проснутся.

Гарри теперь только сполна уразумел создавшееся положение.

— Они все припишут злomu духу, — сказал он. — Это наверняка. И справляться с ними будет очень и очень трудно.

Так оно и случилось в действительности. Уже совсем рассвело и жара в наполненной парами долине стала почти нестерпимой, когда проснулся первый Бангала, уселся, зевнул и почесался.

Он так был переполнен пищей, что едва мог подняться на ноги. И все же его первой мыслью после сна был... завтрак! Взглянув туда, где у костра валялись раньше в куче все куски мяса, он не заметил теперь ровно ничего. Сначала он широко раскрыл глаза, потом свой рот и, наконец, воззрился на Тремлета.

Исследователь отлично понимал желательность здесь лжи, но что он мог сообщить правдоподобного, чтобы убедить даже этих простоватых негров. Сказать, что это они с сыном покончили со всей тушей? Но разве могли два европейца, каким бы здоровым аппетитом они ни обладали, разве могли они справиться с половиной носорога в несколько часов. Правда, он мог сказать еще, что выбросил в реку все оставшееся мясо, чтобы спасти их от последствий обжорства. Но такое предательство с его стороны принесло бы ему мало пользы: негры ни за что не согласились бы служить такому хозяину, который не позволяет им есть до отвала, когда представляется удобный случай.

Тем временем проснувшийся разбудил своих товарищей, которые и принялись сразу же возбужденно кричать и негодовать. Они хотят знать, что случилось и куда девалось мясо. Пришлось сказать им всю правду, а именно, что туша исчезла ночью и хозяин их сам не знает, куда она могла пропасть.

Какой поднялся тут переполох. Они все разом заговорили, зажестикувировали и замахали своими ру-



ками. Неразумные — как все африканские дикари — они требовали другого носорога, словно путешественник мог подать им его в одно мгновение, как фокусник кролика из своего цилиндра.

Тремлет сказал им, чтобы они подождали немного, он же постарается найти для них слона или, во всяком случае, гиппопотама. Но это обещание их не удовлетворило. Лес заколдован — объявили они.

И через три дня неизбежное свершилось. Они продвинулись в своем пути к истокам реки не более двух-трех миль. Люди стали недовольны и ленивы. Ведь они вновь были голодны. Они заявили, что отказываются от всякой дальнейшей работы, пока не получат вдоволь мяса. Полносорога они за настоящую еду не сочли: ведь они лакомились им не более десяти часов.

Они сметрели на белых людей, как на высшую расу, вооруженную особо страшным оружием. Они далеко ушли от своего племени и сами не знали теперь, где находились, но они вовсе не заинтересованы были открытием истоков реки. Ночью они столкнулись между собой и всей партией удрали от белых путешественников. Они украли челн, на котором отправились вниз по реке, взяв с собой добрую часть всех запасов, топографические инструменты и аптечный ящичек, хотя ни одно, находившееся в нем лекарство не могло принести им ни малейшей пользы. Отец и сын остались одни, с небольшим запасом вещей и продовольствия, остались без челнока в самом центре огромного леса Конго.

Положение, в каком они очутились, показалось Гарри совершенно безнадежным, хотя отец его и не растерялся; он отказался только при создавшихся условиях от мысли добраться до истоков реки.

— Постараемся выйти с честью из трудного положения! — сказал он. — На наше счастье, ты захватил с собой топор, а у меня в кармане отличный складной нож, острый как бритва. Все, что мы должны сделать теперь, это повалить дерево, выдолбить из него челнок и сделать весло. И если пустимся вниз по реке, то силой одного только течения нас отнесет к Казаки через четыре-пять дней; а через две недели мы достигнем и Конго. Если понадобится три месяца, чтобы добраться сюда, то выбраться отсюда мы сможем в три недели».

Иного пути, впрочем, и быть не могло. Думать о продолжении путешествия было чистым безумием. В случае нападения на них какого-нибудь дикого лесного народа, они никуда не могли бы отступить, а так как их скудные запасы исчезли, то им грозила бы верная смерть.

Улепетнувшие от них негры были убеждены, что леса здесь заколдованы и носорог был утащен, поэтому, к.-н. злым духом. Конечно, ни сам Тремлет, ни сын его, нисколько не верили такому объяснению, но все же они вынуждены были сознаться, что подходящего объяснения они найти здесь не в состоянии.

В течение трех дней ничего особенного не случилось. Они расположились у берега реки, где кустарник не был так густ и где между опушкой леса и рекой лежала узкая песчаная полоса.

Гарри все время носил топор за своим поясом. Хорошо еще, что и его не украли негры, когда они скрылись на челноке; ведь тогда не удалось бы свалить нужного для челнока дерева. Отец с сыном работали весь день, с восхода солнца до заката, выдалбливая ствол и сглаживая бока, чтобы бревно походило бы возможно больше на челнок.

Стремительное течение реки могло бы нести их очень быстро. Выдолбить своеобразную пирогу оказалось не так трудно, как добиться от нее устойчивого равновесия.



Заговорили, зажестиковали и замахали своими руками.

К бокам этого странного челнока подведены были поэтому два бревна и прикреплены к каждому борту вьющимися растениями, которые по своей гибкости и крепости походили на веревки. Таким путем устраняется опасность перевернуться на воде в свежую погоду всеми дикими племенами на всем земном шаре.

За всем делом они почти забыли уже историю с украденным мясом носорога и не думали, что им угрожает какая-либо опасность. Тем не менее утром на пятый день произошло одно событие, которое заставило их серьезно задуматься.

Этой ночью они обсуждали способы лучшего устройства руля. Гарри проснулся рано и прежде



всего спохватился топора, который — он отлично помнил это — положил рядом с винтовкой.

— Отец! — спросил он. — Это ты взял топор?

— Да, ведь ты его держал в последний раз! — отвечал Тремлет. — Где же ты оставил его?

— Я положил его тут! — сказал Гарри, указывая на особое место. — Но его здесь уже нет.

Он смущенно оглядывался вокруг, отец же тербил свою бороду.

— Ты ошибся, мой мальчик! — заметил он.

Они принялись искать всюду. Прошло около двадцати минут, прежде чем они нашли его всаженным до половины лезвия в дерево, в трех футах от земли.

Гарри взялся за рукоятку и хотел было вытащить топор, но не мог. И даже его могучий отец должен был здесь приложить всю свою силу.

Тремлет посмотрел сначала на топор, а затем на сделанную им в дереве щель.

— Ничего не понимаю! — воскликнул он. — Ни один человек не мог бы так засадить топор, обладай он силой хотя бы самого Геркулеса.

Гарри был озадачен не меньше своего отца. Сказать правду, он даже побледнел немного.

— Мне это не нравится — признался он, боязливо вглядываясь в полумрак леса. — Это какая-то загадка. Можно даже поверить, что нации Бангала были правы, когда утверждали, что лес заколдован, а это место посещается нечистой силой.

Тремлет был занят в это время внимательным осмотром рукоятки топора.

— Они верят в духов! — пробормотал он словно про себя. — Я видел и слышал множество странных вещей за мою жизнь, но сегодня я впервые встречаюсь с духом, хорошо знающим как пускать в ход свои зубы.

— Зубы?! — закричал Гарри. — Что ты хочешь сказать?

— А вот взгляни на рукоятку — спокойно отвечал Тремлет. — Если это не следы зубов, то хотел бы знать, что это собственно такое?

Юноша принялся за осмотр, но не мог настолько совладать с собой, чтобы у него не дрожали руки. Ведь именно человеческой природе так свойственно пугаться всего таинственного. На рукоятке топора отчетливо виднелись отпечатки маленьких зубов.

— Чем скорее мы уберемся отсюда, тем будет лучше для обоих нас, мой мальчик. А потому и постараемся покончить с веслом в один день.

У них не было теперь никакой пищи, но они решили продолжать свою работу вместо того, чтобы отправиться на охоту в лес. И к вечеру довольно сносное весло было уже готово, хотя рукоятка этого весла и достигала трех дюймов в диаметре.

Ранним утром намечено было отправиться в путь. Если же встанут с зарей, то им посчастливится, может быть, выследить на берегу реки у водопоя антилопу или же подстрелить если не носорога, то греющегося у тинистого берега гиппопотама.

Ночью они костра не развели, так как готовить было нечего. Оба сильно устали после дневного напряжения и, конечно, основательно бы проспали всю ночь, если бы только это зависело от них самих.

Они проспали не более получаса, когда их разом разбудил какой-то резкий звук, похожий на пистолетный выстрел. Не имея ровно никакого представления о том, что случилось, но вообще подозревая, что на них нападает какой-то таинственный противник, вооруженный современным огнестрельным оружием, они вскочили на ноги, держа в руках свои винтовки.

Так прошло несколько мгновений в полном, захватывающем душу молчании. А затем, рассекая воздух, что-то пролетело с жужжанием возле самой головы Гарри, в расстоянии одного только дюйма от нее.

— На лунный свет! — закричал Тремлет, — Мы должны видеть, чтобы стрелять!

С этими словами он повернулся и побежал по узкой песчаной полосе у берега. Гарри не замедлил последовать за ним.

На их счастье стояла полная луна. Ни одно живое существо не могло приблизиться к ним незаметно.

Минуты напряженного ожидания казались им часами. Гарри едва переводил дух от волнения, сердце стучало у него словно машина.

Ночного безмолвия не нарушал ни один звук; только река монотонно шумела у песчаной отмели. Неподвижен был и воздух. Листья деревьев не шевелились.

Наконец, с губ Тремлета слетел глубокий вздох облегчения.

— Он ушел, кто был там! — сказал он сыну. — Но я продолжаю ровно ничего не понимать. Ни одна стрела не просвистела, ни одно копье не пронеслось. Я полагал, что знаю Африку, но здесь что-то выше моего понимания.

— А чем это было в меня брошено? — спросил Гарри.

— Знаю не больше тебя самого, — отвечал отец. — Но что это такое? Посмотри-ка сюда!

И он указал на белый предмет, лежавший на песке на расстоянии каких-нибудь пятнадцати шагов. Гарри подошел к нему, поднял и передал его отцу.

— Что же это такое? — спросил он.

Тремлет взглянул на предмет и свиснул таким манером, который был в большом ходу в дни его юности.

— Ты знаешь, что это? — воскликнул он — Это бедро носорога и я склонен думать того самого, которого ты застрелил неделю тому назад. Оно-то и просвистело у твоей головы.

Гарри ничего не ответил. Он был так ошеломлен, что лишился дара слова.

— Все это невероятные вещи, мой мальчик! Я буду рад, когда мы выберемся отсюда.

Осторожно вернулись они к месту своей стоянки, где оставались их одеяла и посуда. Присесть на землю они не решались, пока не удостоверились, что никто не скрывался в густом тростнике.

— Я думаю — сказал Тремлет — что нам лучше теперь же пуститься в путь, не дожидаясь рассвета. Давай-ка спустим на реку наш плот. Но где весло?

Они принялись искать пропавшее весло и через пять минут нашли его. *Весло было сломано!* Круглая его рукоятка, диаметром в три дюйма, была обломана так, словно весло было спичкой.

— Это уже совсем непонятно и даже страшно! — воскликнул Гарри.

— Одна вещь теперь, во всяком случае, объяснима — возразил его отец. — Похожий на пистолетный выстрел звук был вызван сломанным веслом, хотя мы оба с тобой вместе не могли бы сломать его. Признаться, я изрядно взволнован.

— Но как бы то ни было — сказал Гарри — сегодняшней ночью мы двинуться в путь уже не можем. Тремлет на минуту задумался.

— Несомненно и то — прибавил он — что мы не можем и поспать этой ночью. И тем не менее спать мы должны, если только хотим довести дело до конца. Давай сменять друг друга на посту.

Гарри, по его собственному желанию, вызвался сторожить первый. Нервы его были основательно



расшатаны. Никогда еще в его жизни минуты не текли так медленно. Он сидел, поджав под себя ноги, рядом с отцом, которого обещал разбудить как только услышит в лесу какое-нибудь движение.

Высчитывая, сколько часов еще осталось до рассвета, он смотрел на светящийся циферблат отцовских часов, когда услышал отчетливо, как в нескольких шагах за его спиной в густом кустарнике громко хрустнула ветка.

Он взял свою винтовку и насторожился. Звук был так же отчетлив, как и неожиданен. Он уже протянул было к отцу свою руку, но не сразу дотронулся до его плеча, и это промедление едва не стоило ему жизни.

Как растение вырывают с корнем из земли, так же был схвачен и поднят Гарри. Он не мог пустить в ход своей винтовки. Его руки были прижаты к телу какой-то чудовищной косматой лапой, которая держала его словно в тисках. Он мог только кричать о помощи и он закричал во всю силу своих легких.

Его быстро уносили в самую чащу леса, где острые шипы буквально содрали с него все платье. Он отчаянно выбивался, но был совершенно беспомощен, словно мышь в кошачьих лапах. Он слышал у самого своего уха какой-то ужасный смех, похожий на бульканье воды в горлышке бутылки.

Он ничего не мог видеть в окружавшем его непроливаемом мраке. И вдруг ослепительный огонь и оглушающий выстрел. Это где-то совсем близко разрядили винтовку. Патронный пыж ударил Гарри в голову и он мгновенно почувствовал острый ожог под своим ухом. И в тот же миг крепко державшая его огромная, ужасная рука вдруг ослабела и разжалась.

Что же собственно произошло в эти несколько секунд? — Передать это невозможно. Тремлет был разбужен громким криком о помощи своего сына. Он увидел огромную, темную фигуру, плохо различимую в темноте; она быстро неслась к лесной чаще, испуская отрывистые, резкие звуки, и исчезала в кустарнике.

Он сломя голову бросился за этой тенью, полный отчаяния и страха. Лунный свет, кое-где пробиравшийся

сквозь густую листву деревьев, позволял ему в редкие моменты видеть своего сына в руках какого-то непонятного, ужасного чудовища. И, наконец, он выстрелил, всячески остерегаясь того, чтобы пуля не задела его сына. Отбросив в сторону свою винтовку, он кинулся затем с ножом в руке на своего неизвестного врага.

Нож закончил то, что начала пуля. А в это время на земле лежал без чувств его сын, весь помятый, иса-рапанный и избитый. Но и отец был так измучен своей погоней и своим опасным выстрелом, что лег рядом с Гарри отдышаться.

А через несколько минут они выволокли на лунный свет, у песчаной полосы реки, мертвое тело огромнейшего гориллы.

— Вот он «злой дух», — воскликнул Тремлет, — который следил за нами в течение всего времени!

— Он же украл у нас и тушу носорога! — закричал Гарри.

— Вне всякого сомнения, — отвечал отец. — Я только не могу всего объяснить себе, но просто принимаю факты, как они есть. Возможно, что горилла никогда за свою жизнь не видел человеческого существа и, конечно, белого человека. Простое любопытство могло привести его к нашей стоянке. Вкус жареного мяса ему, очевидно, так понравился, что он решил не упускать нас из виду. Когда же убедился, что ему нечем больше от нас поживиться, то рассвирепел. В этом отношении и обезьяна походит на человека».

Гарри взглянул на освещенный луною огромный, страшный труп, который скрючившись лежал на земле.

— Хорошо, что я избавился от него! — сказал он дрогнувшим голосом. — Он мог бы растерзать меня постепенно отнимая одну часть тела за другой».

Тремлет положил свою руку на плечо сына.

— Ты не останешься здесь больше, мой мальчик! — заметил он. — Завтра мы сделаем новое весло и немедленно тронемся в обратный путь.

И когда, наконец, они на своем пароме оттолкнулись от берега, то ни один из них не оглянулся и не посмотрел с сожалением на покинутое место.

\*\*\*\*\*



В густом мраке лесной чащи устраивает носорог свое логовище, плотно утопав землю и огородившись, как валом, сломанными им деревьями. Только громкий храп раздается отсюда весь день; свое логовище носорог покидает лишь в сумерках, чтобы подкрепиться травой и кореньями. Большой любитель грязи и воды, он выбирает себе место поближе к озеру или болоту. Вся в складках и морщинах толстая шкура носорога и вечно облеплена она грязью, спасающей его от вечных мучителей: оводов, слепней и т. д. Носорог осторожен и боязлив; почуяв людей, обращается в бегство; но раненый, раздраженный или испуганный, он свирепо бросается на врага и наносит своими рогами жестокие удары. Туземцы ловят носорога в ямах, вырытых на протоптанных им тропинках, или же подкрадываются к нему во время сна и поражают его копьями.

## В чем ошибка?

Носорог естал одной ногой на свою добычу и издал свирепый · победный клич.

Ответ см. на 32-ой стр.







В один прекрасный день на улице Парка, в первом этаже небольшого деревянного домика, открылся докторский кабинет. Владелец его являлся молодой доктор Хассенд. Дело начиналось с небольшим капиталом, но с очень большими надеждами.

Здесь же, рядом с кабинетом и приемной, находилась и квартира доктора: спальня и кухня-ванна. Единственный ход, обслуживавший и пациентов и доктора, выходил прямо на улицу.

Большие надежды плохо оправдались, и к концу шестнадцатой недели дело стояло на той же точке, что и в начале второй. Изо дня в день, в течение последних десяти недель, он ожидал перемены, но счастье не улыбалось.

Несмотря на все невзгоды, бодрость и хорошее расположение духа не покидали молодого доктора. И когда во вторник, в половине девятого вечера, он закрывал свой кабинет, желая развлечься, его настроение было таким радужным, словно он зарабатывал десять гиней<sup>1)</sup> в час.

У него создалась привычка проводить вечера в клубе Мирандола, где молодежь веселилась, солидная же публика вела разговоры о политике, последних достижениях культуры и т. п. Хорошенькая мисс Мэри, сестра Джона Вальтона, была его неизменной партнершей. Они оба восхищенно танцевали, оба увлекались спортом, музыкальной комедией, кино и прочими вещами. Мисс Мэри проявляла трогательную заботливость к его судьбе. Ее молодость, разница в семь лет, не мешала ей давать самые очаровательные советы.

На этот раз, как и всегда, он нашел Мэри в клубе, куда завез ее брат. Девушка заботливо справилась, сколько он заработал за сегодняшний день.

— Восемнадцать шиллингов, — ответил без смущения молодой доктор.

— Все хуже, хуже и хуже! — с грустью заметила Мэри.

— Да, повидимому, так.

— Не сможет ли Джон помочь? — задумчиво проговорила Мэри.

Молодой доктор затряс головой:

— Пациенты Джона не пойдут к другому.

— Ах, меня очень мало интересуют эти пациенты, я думаю лишь о том, как бы вернуть вам удачу... У Джона часто, среди его нефритов, попадаются амулеты, приносящие любовь, деньги, здоровье, долгую жизнь... Простое Рождество мы дали такой амулет бедной девушке, которую злбно преследовала судьба, и с тех пор она зажила прекрасно.

Молодой Хассенд знал, что как доктор он должен быть ученым. «Этот разговор об амулетах и чарах подобает ли ученому человеку?» — спросил он себя мысленно. «Нет», — был решительный ответ. Но здесь же он вспомнил, что нередко советы Мэри оказывали ему не плохую услугу, может быть и на этот раз дело обстоит также.

— Что же, пусть поищет что-нибудь! — проговорил он снисходительным тоном.

— Хорошо, я передам. Вы зайдете в воскресенье к чаю?

Они протанцовали весь вечер, с энтузиазмом толкуя о Чарльзе Чаплине. Расставаясь, Мэри напомнила ему про амулет.

\*\*\*

В воскресенье в назначенный час он был у Вальтона. Мэри уже переговорила с братом. После чая они пошли в кабинет Джона, где находилась коллекция осколков тяжелых китайских камней, нефритов, агатов и различных кристаллов.

— Вы пришли ко мне не во-время, — проговорил Джон, выдвигая верхний ящик шкафа. — Сейчас у меня только три прекрасных нефрита-талисмана любви и один необычайной силы агат, свойство которого излечивать от сапа. В первых талисманах, я полагаю, вы не нуждаетесь, лошадей же у вас нет. К сожалению, в данный момент у меня нет камня здоровья, — продолжал Джон, закрывая верхний ящик и выдвигая следующий. — Подождите, не устроит ли вас нефрит? Этот камень сам по себе счастливый; даже самый небольшой его кусочек приносит счастье. У меня где-то он был.

С этими словами он вынул из ящика молочный камень, длиною около четырех дюймов и шириною в два, который

изображал рыбу. Рот, глаза, чешуйки, хвост — были искусно высечены на камне.

Джон Вальтон осторожно обтер его ладонью руки.

— Я думаю, эта вещь будет вам полезна. Она употреблялась в древнем китайском храме, как гонг для созыва молящихся и жрецов; но это обстоятельство вас не должно смущать. С тех пор, как эта рыба появилась в моем доме, никакое горе не касалось его, в этой рыбе кроется большая сила.

Он произнес это таким убедительным тоном, что молодой доктор Хассенд даже с некоторым благоговением взял в руки рыбу, положил ее в свой широкий карман и горячо поблагодарил.

— Я, конечно, могу одолжить вам только на время этот необыкновенно редкий экземпляр, несомненный источник вдохновения для современного искусства.

— Вполне понятно! — произнес молодой доктор. — Но как его употреблять?

Джон несколько задумался.

— Я думаю, не будет плохо прибить его к вашей наружной двери. В нем как раз имеются два отверстия; необходимо только найти длинные и очень тонкие гвоздики, чтобы не расколоть камень. Ведь вы желаете привлечь пациентов, не так ли? А они приходят с улицы. Этот знак и будет привлекать внимание проходящих. Если он не принесет даже вам ожидаемой удачи, то, во всяком случае, будет служить хорошей вывеской.

Когда доктор удалился, Мэри спросила брата, можно ли надеяться на рыбу?

— Раз он верит, отчего же нет?

\*\*\*

Доктор Хассенд вернулся домой в прекрасном настроении. Наступившее утро не только не понизило настроения, но, наоборот, — породило новые надежды.

Наскоро позавтракав, он побежал разыскивать тонкие стальные булавки, и через несколько времени на его входной двери красовалась нефритовая рыба.

Прикрыв дверь, он вышел на улицу и прошелся мимо дома. Он был несколько удивлен: рыба не казалась большой, она не бросалась в глаза своим блеском, но в то же время как-то притягивала, приковывала глаз своим необычным видом. Даже проходя по противоположной стороне улицы, нельзя было не обратить на нее внимания. Прохождение в удивлении останавливались.

Доктор Хассенд поспешил в свой кабинет, ожидая потока пациентов. Правда, поток не хлынул, но обычная струйка не была так тонка, как прежде. К четверем часам он имел восемнадцать шиллингов, к вечеру же сумма возросла до тридцати.

Приготовив чай, он уселся в приемной у окна и стал наблюдать за прохожими, отмечая среди них своих будущих пациентов.

Вдруг из-за угла показался тяжелый крытый автомобиль, в окне которого виднелось бледное морщинистое лицо пожилого человека. Он бросил пристальный взгляд на рыбу и прокатил мимо. Минуты через четыре этот же самый автомобиль бесшумно подъехал к подъезду и остановился.

Доктора Хассенда интересовали в этот момент исключительно только пациенты, а потому он не обратил на автомобиль никакого внимания.

И вдруг по лестнице послышались шаги, затем раздался стук в дверь.

Доктор вскочил. «Неужели ко мне?»

Открыв дверь, он столкнулся с морщинистым пожилым господином, имевшим вид трупа.

Он понял, что перед ним пациент, сильно нуждающийся в помощи врача. Он опасался только одного, что его помощь в таком тяжелом случае не оказалась бы запоздавшей.

— Вы доктор Хассенд? — спросил господин, быстро проходя мимо него в кабинет.

— Да! — проговорил несколько изумленный его поспешностью Хассенд, следуя за ним.

Пожилый господин подошел к доктору и в упор стал рассматривать его круглое, розовое и мальчишеское лицо, его широкую, здоровую фигуру, и на его лице выразилось некоторое недоумение, словно он увидел не то, что думал найти-

1) Гиней — английская десятирублевка.



— Ну что-ж, знак есть знак! — едва слышно пробормотал он и громко добавил, обращаясь к Хассенду: — Я страдаю сильнейшим несварением желудка, нестерпимым. Мне необходима двууглекислая сода. Сколько вы сможете мне отпустить?

— Двууглекислой соды? — переспросил доктор, удивленный таким простым исходом дела с пациентом, вид которого заставлял его опасаться за недостаточность своих знаний.

— Конечно, могу. Сколько вы хотите?

— Сможете ли вы мне дать унцию, целую унцию? — проговорил он, несколько нервничая.

На лице д-ра Хассенда появилась напряженная складка, он старался разобраться в создавшемся положении. Одно для него было совершенно ясно, что человек волнуемый из-за такого пустяка, как сода, пришел не иначе, как посмеяться над ним.

— Конечно, могу! — проговорил он своим обычным, приветливым голосом. — Я вам дам ее.

Он зашел за ширму, которая закрывала от глаз пациентов бутылки разных снадобий и большую таблицу с указанием, как готовить различные лекарства. Отсыпав основательную дозу двууглекислой соды в чистый пакетик, он залечал его и вынес пациенту.

Дрожащими руками схватил пергаментный господин этот пакет.

Теперь уже не оставалось никакого сомнения, что основной причиной его волнения, было особое пристрастие к двууглекислой соде. Пакет моментально исчез в его левом боковом кармане, из правого же он вытащил сверток и подал его д-ру Хассенду.

— Здесь все правильно! — И прежде, чем уйти, зло нахмурился и огрызнулся. — Вы бы еще больше сделали этот знак, привлекающий внимание, еще больше. Ах, вы глупый осел!.. Вас накроют через неделю. Довольствуйтесь меньшим, не гонитесь за большим.

И, повернувшись на каблуках, он с шумом вышел из кабинета.

Д-р Хассенд посмотрел на оставленный пакет. Вид его был довольно внушительный. Он неторопливо разорвал конверт, и здесь с ним случилось нечто странное, на него словно нашел столбняк: глаза его расширились, приняв глупое телячье выражение, а приоткрытый рот застыл. Перед ним на столе лежали десять пятифунтовых бумажек<sup>1)</sup>.

Понемножку он начал разбираться: нефритовая рыба притянула взор больного, сильно страдающего господина, и он вместо аптеки зашел к нему за содой и, очевидно, по ошибке оставил такую большую сумму.

— Необходимо вернуть ему эти деньги! — думал молодой доктор Хассенд, тяжело вздыхая. И тут же сообразил, что сделать это не так-то просто; он не знал ни имени, ни адреса этого господина.

— Посоветуюсь с друзьями! — решил доктор, пряча деньги в шкатулку, специально купленную для хранения гонорара.

Наконец, приведя в окончательный порядок, тот хаос мыслей, в который повергли его десять пятифунтовых бумажек, он закрыл кабинет в 7½ часов и вышел из дому, направившись прямо к Вальтонам. Правда, он не рассчитывал заставить дома Джона, так как этот предприимчивый субъект имел привычку вторую половину дня проводить в клубе, но зато Мэри, наверняка дома.

Да, она была дома. За чаем он рассказал ей все. Мэри ни чуточки не изумилась, ведь это работа чудотворной нефритовой рыбы, другого объяснения быть не могло.

— Положите, это не последние десять пятифунтовых бумажек! Вот вы увидите! — говорила она уверенно.

Поболтав еще немного на свои любимые темы, доктор распрощался. И когда Мэри открывала ему дверь, они услышали на лестнице шаги. Это возвращался Джон. Он с большим интересом выслушал историю о пожилом, трупного вида господине, и на лице его появилось довольно загадочное выражение. Мэри повторила брату свое объяснение.

И вдруг Джон словно что-то понял и как-то странно засмеялся, словно закудалтал. Затем, схватив за руку Хассенда, весело проговорил:

— Значит все мои предположения относительно этой рыбы оправдались! Советую вам немедленно переслать почтой полученные деньги в банк. Если продадите еще соды, тащите снова туда же.

Он дружески потянул руку доктора, пожелал ему спокойной ночи и направился к себе. Он очень хорошо относился к Хассенду, но не видел особой нужды быть особенно

<sup>1)</sup> Пять фунтов стерлингов около 50 рублей.

с ним близким, предоставляя делать это Мэри. Он был известен как прекрасный доктор, но вне своей работы, подобно многим мужчинам, был не очень общителен.

\*\*\*

Когда молодой доктор Хассенд возвращался домой в омнибусе, его мучили два вопроса: почему Джон Вальтон возлагал на нефритовую рыбу надежды и почему этот старый немощный господин оставил ему такую крупную сумму денег только за одну унцию соды.

За обедом Мэри спросила брата, что он думает по поводу происшедшего.

Тот выразился как-то туманно:

— Я объясняю себе этот факт тем обстоятельством, что некоторые больные настолько раздражительны, что не могут лечиться в общих лечебницах. У Хассенда же, конечно, не имеется никакого опыта для лечения подобных больных.

На другой день клиентура доктора Хассенда выросла еще на восемь пациентов, что составляло тридцать два шиллинга. Нефритовая рыба и на малом поприще работала не хуже, чем на большом.

Следующий день не дал особого повышения, но нефритовая рыба далеко еще не закончила своей работы.

Когда д-р Хассенд без нескольких минут в десять часов, проводив последнего пациента, подсчитал гонорар, то оказалось, что он превысил предыдущий день только на четыре шиллинга.

Он широко распахнул окно, подмел кабинет и приемную, затем перешел в гостиную и уселся на диван, с виской-содой и приключенческим романом. Едва он прочел шесть страниц, как услышал стук снаружи. Громкие, настойчивые удары потрясли дверь. Он живо вскочил на ноги. Это походило на тридцатишиллинговый гонорар. Он был уже на полпути, когда стук снова возобновился, неумолкающий, повелительный. Это был уже наверняка тридцатишиллинговый гонорар.

Он быстро распахнул дверь. Перед ним стояла женщина, совсем не такая, какую он думал увидеть. Она была смугла и прекрасна, с бледным матовым лицом и блестящими волосами; ее черные глаза казались бездонными.

Она куталась в вечерний плащ, окаймленный прекрасной китайской вышивкой, на голове же в диадеме сияли бриллианты. Это пахло уже не тридцатью шиллингами.

— Вы доктор Хассенд? — спросила она быстро.

— Да! — проговорил он, пристально глядя в глаза.

С той же самой успешностью, как и старик, походивший на мертвеца, она проследовала мимо него и поднялась по лестнице прямо в приемную. Доктор закрыл дверь и направился вслед.

Она повернула к нему лицо, расстегивая нефритовую застежку на своем плаще.

— Я страдаю сильнейшим несварением желудка, невыносимым. Мне необходима двууглекислая сода. Сколько вы сможете мне дать? — выговорила она залпом, резким голосом, с несколькими иностранным акцентом.

Молодой доктор Хассенд вновь пристально посмотрел на нее. Не ослышался ли он?

— Двууглекислой соды? — спросил он едва внятно.

— Да! Я знаю... Я утром заметила рыбу... Я говорю вам что я страдаю сильнейшим несварением. Сколько вы мне можете дать? Унцию можно? — почти прокричала она, судорожно сжимая пальцами пряжку плаща.

— Истерика! — мысленно отметил он и добавил вслух.

— Хорошо, я вам дам.

Он быстро прошел в кабинет. Ему хотелось уединиться, чтобы хоть немножко обдумать, какая причина могла заставить молодую, богатую девушку, страдающую желудком, придти к нему за содой? Он был, очевидно, неправ, считая пожилого, пергаментного вида господина за ненормального. А может быть и эта женщина тоже сумасшедшая? Он слышал ее нервные шаги в приемной. Ему казалось невероятным чтобы двое столь различных людей страдали одним и тем же. Однако, сколько он ни ломал голову, подходящего ответа не нашел.

Отсыпав соды, он вынес ее в приемную и передал пациентке. Точно так же, как пергаментный господин, она схватила пакет и произнесла тоном, в котором чувствовалась некоторая удовлетворенность:

— Благодарю вас! Покойной ночи... табачный ящик! — с этими словами она скрылась за дверью. Ее высокие каблучки простучали по непокрытой ковром лестнице, а затем захлопнулась и наружная дверь. Хассенд поспешил к окну и высунул голову на улицу. Он увидел ее фигуру, направлявшуюся к ожидавшему ее экипажу. Она поспешно села и скрылась из глаз.



Он схватился за голову: «Что за странная женщина»? Затем прошел в приемную и открыл табачный ящик. Он знал заранее, что именно найдет там, он был почти уверен... Да, они лежали там... Десять пятифунтовых бумажек... Он в волнении созерцал их...

Все это было бы прекрасно, если бы получение этих денег не смешивалось с каким-то внутренним беспокойством. Пятьдесят фунтов — это сумма, конечно, но иметь нефритовую рыбу, которая устраивает такие диковинные сюрпризы, как продажа унции соды за пятьдесят фунтов? Непонятно!

За этими размышлениями он вдруг вспомнил совет Джона Вальтона. Наскоро одевшись, он схватил деньги, побежал на почту и перевел их в банк на свое имя.

На следующее утро он проснулся в более спокойном состоянии, и проделки нефритовой рыбы уже не так его волновали. Смушало лишь одно обстоятельство, каким образом подыскать научное обоснование всему происшедшему. Современная наука, конечно, усумнится в наличии странного факта, для него же лично не было никакого сомнения в том, что именно с появлением нефритовой рыбы число пациентов увеличилось вдвое и возрастало с каждым днем. В этот день он выручил уже сорок четыре шиллинга.

Через день после визита таинственной женщины, перед его домом вновь остановился автомобиль. Три господина и одна дама поспешно вышли из него, поднялись по лестнице и проследовали через приемную в кабинет. Двое из них были молодые люди, женоподобные и желтые лица которых очень не понравились здоровому доктору. Оба молодых человека были прекрасно одеты, в нарядных галстуках и носках и с платочками, со вкусом подобранными. Оба были издерганные, возбужденные и, видимо, страдали от неуверенности в его помощи. Заявив о том, что они оба страдают ужасным несварением желудка, они попросили соды.

Он выдал каждому по унции соды, и каждый из них вручил доктору по пятидесяти фунтов. Он взял их с большим удовлетворением.

Личность третьего господина, лет около пятидесяти, с замкнутым лицом, которое сильно портили хилый рот и подбородок, было ему хорошо знакомо по портретам, помещавшимся в иллюстрированном еженедельнике. Это был известный актер К. С. Дама была тех же лет и, очевидно, когда-то считалась красавицей, но красота ее беспощадно разрушилась каким-то пороком. Ее ногти, подобно первой молодой посетительнице, сильно нуждались в заботливом маникюре.

Все четверо пришли еще задолго до трех часов дня, и доктор Хассенд получил возможность в этот же самый день вложить в банк еще две тысячи фунтов.

Едва он успел вернуться, как вошел пятый посетитель. Он имел вид пострадавшего во время сражения: дергалась левая рука, да и левая нога была также повреждена; его изборожденное морщинами лицо было сильно измождено, словно от долгих страданий. Он также пожаловался на желудочную боль и попросил двууглекислой соды.

Доктор Хассенд на этот раз был совершенно выбит из колеи. Если прежних шесть пациентов еще могли просто посмеяться над ним, то в данном случае шутка была невозможна. На этот раз он решил действовать и во что бы то ни стало выяснить проделки нефритовой рыбы.

— Как все это странно, сэр? По ему вы явились ко мне за содой, когда вы ее могли бы свободно получить за несколько пенсов в любом аптекарском магазине?

Эти слова, казалось, изумили инвалида. Он уперся своим пристальным удивленным взглядом в лицо доктора и пробормотал:

— Это не совсем то же...

— Нет, именно то же самое и того же самого качества, — протестовал доктор Хассенд — Я не понимаю, почему всеми овладело такое заблуждение. В конце концов, я знаю почему всеми овладело такое заблуждение. В конце концов, я знаю почему, но я совершенно не знаю, как все это происходит. — Он на минуту умолк, и тут в голову ему пришла счастливая мысль:

— Я вам дам и полфунта соды, чтобы доказать только правильность моих слов.

Растерянные глаза вояки расширились еще больше.

— Вы хотите сказать, что то, что вы продали господину Георгу и что он покасал мне в воскресенье в клубе, действительно двууглекислая сода? — проговорил он упавшим голосом.

— Да, это действительно так. Это именно то, что он спрашивал! — проговорил холодно доктор Хассенд.

Глаза пациента еще более расширились и в них появилось недоверие.

— А как же тогда рыба?

— Хорошо, я сниму эту рыбу! Она пририта исключительно для удачи. Если же она вводит людей в заблуждение и делает их какими-то ненормальными, я здесь ровно не при чем! — проговорил доктор с достоинством.

— Вы говорите правду? Вы действительно говорите правду? — и голос калеки снова упал. Он немного задумался. — Да, дело дрянное! Я сильно надеялся здесь получить. — Он на минуту умолк, а затем разразился грубым, неприятным смехом и, уходя из комнаты, пробормотал: «Так вот какова покупка старого Георга!»

Доктор Хассенд выглянул из окна и увидел своего неприятного пациента переходившим через улицу к экипажу. И вдруг тот неожиданно оглянулся и, заметив дом,



Сколько вы мне можете дать? Унцию можно?



тора, помахал ему правой рукой и закричал: «Покойной ночи, глупый бэби! Покойной ночи!»

Молодой доктор Хассенд был глубоко оскорблен. Его надежды получить разгадку от этого инвалида не увенчались успехом. Одно ему было теперь совершенно ясно, что все эти пациенты или совершенно помешанные или близкие к тому люди. Все бредовые слова инвалида были ему совершенно непонятны. Он чувствовал себя крайне неловко; творилось какое-то совсем несуразное дело. С другой стороны, он ясно понимал, что обыкновенные пациенты не могли давать ему двухсот фунтов в день.

Факт остановки один за другим пяти автомобилей перед подъездом доктора не мог пройти незамеченным на маленькой улице Парка. Об этом заговорили. Местные аборигены, даже совершенно не заинтересованные в бутылках с микстурой, тем не менее сияли от счастья, прогуливаясь по улице. Для них было совершенно ясно, что доктор, пациенты которого приезжают на таких больших роскошных автомоби-

— Вы продаете кокаин? Нет? Заходите ко мне, у меня превосходный!

— Какого чорта вы тут мелете? — огрызнулся на него Хассенд, пораженный и возмущенный его словами.

Незнакомец чуть ухмыльнулся, нимало не смущаясь его словами:

— Я отлично знаю рыбку, не беспокойтесь. Но примите мой совет, — рыбка-то слишком бросается в глаза и ее, несомненно, заметила полиция.

В голове молодого доктора Хассенда, наконец, прояснилось: так вот в чем была чудодейственная сила нефритовой рыбы! Так вот какой знак прибил он на свою дверь: «Здесь продается кокаин». Вот чем объяснялся его успех: продавец кокаина. Нечего сказать, недурно для начинающего врача!

Незнакомец же не унимался. Его руки быстро задвигались, зашарили по карманам и, вытащив какую-то записку, он сунул ее в руку Хассенда и снова зашел в дверь.

— Здесь не смотрите. А когда загляните ко мне, то стучите вот так!

И он постучал по коленке доктора Хассенда: три легких двойных удара и один последний, тяжелый. Этот стук на всю жизнь врезался в память доктора.

— Приходите скорее, пока есть...

В это время omnibus подошел к «Белой ферме» и остановился. Незнакомец поднялся, спустился с необычайной легкостью и скрылся.

Молодой доктор Хассенд минуту постоял в раздумьи, затем сунул тоненькую бумажку в карман, тяжело спрыгнул с omnibusa и быстро пошел в обратном направлении.

В кабинете Джона Вальтона еще виднелся свет. Джон сам открыл ему дверь.

— Ага уже полиция добралась, — весело воскликнул он, увидя Хассенда и рассмеялся.

— Полиция-то не добралась, но я сам добрался! — проговорил доктор с некоторой горячностью. — Я пришел к вам посоветоваться, что делать дальше...

\*\*\*

Джон прошел в соседнюю комнату, принес виски с содой и приготовился слушать рассказ доктора и когда тот кончил, весело произнес:

— И так, конец счастью! Но вот странная вещь: мне казалось, что я достаточно хорошо изучил эти китайские знаки, но я совершенно не знал до тех пор, пока вы мне не рассказали про старого господина который заплатил вам пятьдесят фунтов за унцию соды, что рыба есть условный знак продавцов кокаина. Заинтересовавшись, я занялся изысканиями. Оказалось, что обычные продавцы кокаина к этому средству не прибегают. Но если какому-либо аферисту случайно попадет запас кокаина он спешит в город, снимает там не большой домик, чертит мелом на дверях условный знак и распродает запас.

Но эти случайные торговцы никогда не делают таких бросающихся в глаза знаков, как ваша рыба. Они изображают только символ рыбы или несколько линий, изображающих спину рыбы, или хвост, или плавник, но все это в маленьком, едва заметном масштабе. Почувствовав слежку, такой продавец моментально исчезает. Изредка полицейским удается захватить его во время и тогда следует расплата.

— Но каким образом здесь, на континенте, наши одержимые кокаинисты могли знать об этом? — спросил доктор.

— О, этот порок — своего рода массонство! — воскликнул весело Джон. — Рыба есть условный знак продавцов кокаина во всем мире.

— Вы не думаете этим сказать, что это известно и полиции? — произнес Хассенд упавшим голосом.

— Ведь ваш же незнакомец уже предупредил вас об этом, — ответил окончательно развеселившийся Джон.

— Но это ужасно! — закричал доктор Хассенд. — Нужно немедленно снять эту рыбу.

— Да, будет не плохо. Я пойду вместе с вами. У вас найдется какой-нибудь инструмент?

— Это можно сделать и перочинным ножом.

— О, нет, я не хочу, чтобы рыба раскололась! — быстро и решительно произнес Джон. — Я возьму с собой пару пинцетов и собственноручно сниму ее.

Захватив пинцеты, они вышли и направились вверх по улице. Они были уже шагах в тридцати от дома Хассенда,



Так это он?

лях, должен иметь лекарства много выше тех, которые даются докторами других кварталов. Во всяком случае, очень приятно иметь возможность получить это лекарство за два шиллинга. Хорошая молва бежит быстро: его кабинет стал одним из самых известных и модных кабинетов северной части предместья. Нефритовая рыба совсем вошла в работу.

\*\*\*

Подлинный характер работы этой рыбы раскрылся для молодого доктора Хассенда совершенно неожиданно и при очень странных обстоятельствах.

Он танцевал в клубе с Мэри и, по обыкновению, проводив ее домой, вскочил на последний автобус, направлявшийся к его дому. Следом за ним вскочил какой-то человек и поднялся вместе с ним на верх автобуса и уселся рядом. Его шляпа была глубоко надвинута на глаза; он был такого небольшого роста, что доктор, даже наклонившись, не мог разглядеть его лица из-за опущенных полей.

И вдруг он почувствовал сильный запах мускуса, исходивший от его соседа. Он знал запах мускуса, нередко остававшийся после пациентов, но этот был какой-то особенный. Доктор взглянул при свете луны на руки своего соседа, спокойно лежавшие на коленях. Они были маленькие, желтого цвета, на мизинце правой руки красовался непомерно длинный ноготь.

Вдруг совершенно неожиданно, незнакомец наклонился к самому его уху и зашептал, едва шевеля губами.



как вдруг раздался громкий настойчивый стук и у наружной двери дома они увидели трех внушительного вида молодых.

— Уже полиция! О, Юпитер! — Джон немного приостановился, с минуту поколебался, затем подхватил доктора под руку и направился на противоположную сторону.

Едва они перешли улицу, стук снова возобновился, на этот раз настойчиво-повелительный.

Доктор Хассенд почувствовал, как в его груди упало сердце, словно кусок свинца. Этот стук, громко прозвучавший в воздухе, был похоронным звоном его карьеры.

Они дошли до конца улицы, где стояли такси. Джон Вальтон открыл дверцу экипажа и бросил вознице:

— Скотланд-ярд!

И когда такси остановился, он облегченно вздохнул:

— Вы должны предупредить действия полиции, открывенно все рассказав. Я думаю, они будут очень рады получить адрес вашего незнакомца. Условный знак, по которому открываются двери, я надеюсь, ослабит у них интерес к вашей рыбе. Предоставьте начать разговор мне.

Доктор Хассенд все еще не мог освободиться от пережитого. Перед его глазами четко вырисовывались три дюжих молодца, стоявших перед его подъездом. Он был так напуган, что разрешил бы объясняться с полицией кому-угодно.

\*\*\*

Когда они вошли в здание полиции, Джон Вальтон потребовал, чтобы их провели к главному инспектору. Войдя к нему в кабинет, Джон представил инспектору своего спутника доктора Хассенда, с улицы Парка.

— Так это он? — вскричал тот, бросив на него неприязненный взгляд.

Но по мере того, как Джон раскрывал историю нефритовой рыбы, причину появления ее на двери, посещение ка-

бинета каким-то странными личностями и мучения, переживаемые доктором Хассендом в поисках разгадки, — лицо инспектора, пройдя несколько фаз, приняло уже любезное выражение. Но когда Джон подошел к инциденту с незнакомцем, интерес инспектора дошел до крайних пределов. Он прочел адрес, понюхал бумажку и попросил Хассенда воспроизвести переданный ему условный знак.

— Ну, теперь, джентльмены, все в порядке. Как по факту могу сообщить вам, что в эту ночь я бы вас потревожил. Теперь же можете быть покойны, я отменю распоряжение.

— Как только вернусь домой, я немедленно сниму прочь эту дьявольскую рыбу! — воскликнул доктор Хассенд.

— Ни в коем случае! Ни в коем случае! Вы оставите ее на прежнем месте! — произнес твердо инспектор. — Вам придется еще некоторое время побыть продавцом кокаина. Мы не можем лишиться такого прекрасного случая для учета этих отравителей.

Доктор Хассенд возвращался домой в прекрасном расположении духа: его карьера была спасена.

\*\*\*

Чудодейственная нефритовая рыба красуется на двери доктора Хассенда и по сей день. Но случаи приезда пациентов в автомобилях крайне редки. Кто знает условный знак его двери, тот знает также, что его двууглекислая сода есть самая настоящая сода, ничего общего не имеющая с кокаином. Это стало тоже массонским достоянием. Но струйка подлинных пациентов разрослась в широкий, глубокий и устойчивый поток. В этом потоке доктор Хассенд плавает уже не один. Джон Вальтон, однако, не часто посещает своего зятя. Пациенты доктора Хассенда хранят твердую уверенность в том, что его лекарства — лучшие на берегах Темзы.

Это убеждение крепко врезалось в них.

## НОВЫЕ ПУТИ В СУДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

ТАЙНА РЫБ. ОТ АКУЛЫ ДО БЫСТРОХОДНОГО СУДНА.

Германскому инженеру Бёрнеру недавно удалось сконструировать лодку по новой системе, имеющей громадные экономические и технические преимущества перед судами прежнего типа. Если его изобретение окончательно оправдается, то в скором времени будет возможно, сохраняя ту же двигательную силу, увеличить скорость плавания на 100%, или же добиться экономии энергии на 70—80% при сохранении прежней скорости. Другими словами, океанские пароходы в скорости продвижения не будут уступать заграничным скорым поездам.

Бёрнер сам рассказывает, как он напал на свою идею. Если при конструкции аэроплана важную услугу оказали наблюдения над полетом птиц, то в основание постройки судна, очевидно, нужно положить наблюдения над рыбами. Его поразило, с какой уверенной быстротой форель плавает против течения. От форели он перешел к быстро плавающим рыбам крупного размера, к акулам. Действительно ли рыба гонимая с помощью плавников? Объяснения у него не удовлетворяли. У рыболовной компании он заказал акулу и внимательно ее изучил. Он постарался уяснить себе, почему у акул больше жаберных щелей, чем у менее быстро плавающих пород: у морского кота — 3, у гигантской акулы — 5, у голубой акулы даже 10 жаберных щелей подряд. Затем: почему именно у акул имеются на коже странные бугорчатые возвышения и шипы? Не для защиты ли? И, наконец: подлинно ли рыбы пользуются жабрами только для дыхания? Быть может, жабры им служат также для продвижения вперед?

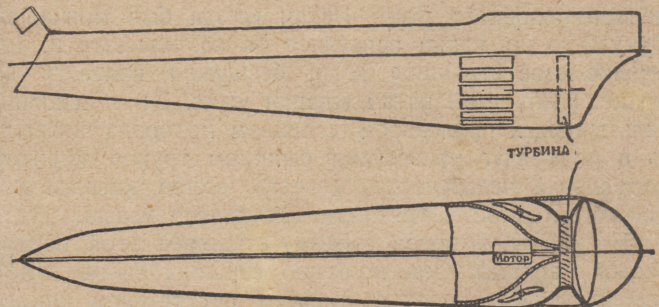
Все эти сомнения вылились, наконец, у Бёрнера в следующую теорию:

Рыба проглатывает воду не только в целях дыхания, но и плавания. Через жаберные щели она выталкивает ее с ускоренной быстротой; выталкиваемая вода скользит вдоль ее тела, как обтекание; она уменьшает трение между движущимся телом и окружающей его водной массой и способствует, таким образом, скорости продвижения. Кроме того, вода, пройдя через жабры, образует ряд водоворотов, которые ударяются о чешую или бугорки и подталкивают тело вперед. Плавники служат, главным образом, для поддержания равновесия, а хвост играет роль стартера и руля.

Исходя из таких соображений Бёрнер и сконструировал свою первую модель, «Форель I»; это — лодка в 9 метров длины и 1,20 метров ширины с мотором в 6 лощ. сил. Винт диаметром в 47 см помещается не у кормы, а в передней части лодки; там же находится под водой и воронкообразное отверстие: это как бы рот лодки. А справа и слева от

носа помещается ряд отверстий, — нечто в роде жаберных щелей; за ними стенки лодки сплошь покрыты бороздками.

Вся эта странная конструкция находит объяснение при движении лодки: вращающийся винт всасывает воду через воронку в корпус лодки и тотчас же выталкивает ее через боковые щели, придавая ей при том движение более бы-



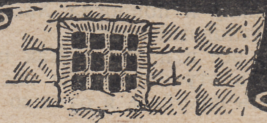
строе, чем нормальное течение. Выталкиваемая вода поэтому не только сводит до минимума сопротивление окружающей водной стихии, но и проталкивает судно вперед. Кроме того, винт ей придает вращательное движение; на полном ходу лодки можно видеть, как весь корпус окружен цепью водоворотов, которые ударяются о боковые бороздки и действуют как ряд толчков вперед. Лодка, таким образом, может развивать чрезвычайно большую скорость, при чем сильное преуменьшение трения о водную массу наружно доказывается и тем, что даже на быстрейшем ходу почти не видно кормовой волны.

Хотя эта многообещающая техническая рыбка родилась только недавно, она дала уже поразительные результаты. Конечно, она требует еще усовершенствования и длительной проверки: ведь, первые опыты проделаны только с маленькой лодкой и на реке (Эльбе). Может быть, понадобится построить еще «Форель VI» и «X», прежде чем новый принцип конструкции можно будет применять к морским гигантам и даже — как это утверждает изобретатель — к летательным аппаратам. Вы видите, перспективы у этой новой конструкционной идеи — очень широкие. Пожелаем ей быстрого успеха, так как она знаменует собой новую победу человеческой мысли над стихией.

В. И.



# ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО



## ТЕРРОРИСТЫ НА ЭШАФОТЕ

Рассказ палача.

К осени 1880 г. в руках царского правительства находилась значительная группа народовольцев, и тогда оно поставило на суд так называемое «Дело Шестнадцати», процесс шестнадцати членов общества Народной Воли. Партия не была разгромлена в этом деле, но понесла значительный урон — особенно в лице А. А. Квятковского, одного из основателей партии.

Александр II оставил жизнь трем приговоренным к смерти, а Квятковский и Пресняков (который при аресте убил одного из низших полицейских агентов) были повешены. Казнь эта произвела сильное впечатление и в России, и за границей. Сами высшие представители власти, во главе с «диктатором» Лорис-Меликовым, ожидали, что никто казнен не будет, и докладывали царю, что «милосердие его величества благотворно отзовется на большинстве населения», но для Квятковского и Преснякова у Александра II не хватило милосердия. 4 ноября 1880 г. они были повешены в Петропавловской крепости, не публично, «перед строем войск», и об их последних минутах до сих пор не было известно никаких подробностей.

Но сохранился небольшой рассказ об их смерти. Он тем интереснее, что принадлежит тому самому палачу, который их задушил...

Рассказ палача! В литературе очень мало документов подобного рода. Палач всегда был молчалив. Откуда-то из мрака появлялся он на эшафоте и, совершив свое страшное дело, бесшумно прятался во мраке. Старинный палач внушал ужас. Этот исполнитель грозных приговоров, с правом которого числится в ряду слуг правосудия слишком трудно мирится нормальная человеческая совесть, всегда казался какой-то загадкой и тревожно настраивал мысль.

Но реальная проза гораздо страшнее этой поэтической картины. Она особенно страшна своею сухой деловитостью, тупостью, полным отсутствием какого бы-то ни было чувства. Настоящий палач никогда не был романтической фигурой. В середине XIX века один журналист спросил парижского палача Сансона, последнего представителя двухсотлетней династии палачей, в которой секира и потом гильотина передавалась от отца к сыну: «Что вы испытывали, когда убивали человека?» — «Торопился поскорее кончить», — ответил палач.

Среди русских палачей наибольшею известностью пользовался тот, который казнил Квятковского и Преснякова. Его звали Фролов. Полгода спустя он казнил перемартовцев, он же удавил Желвакова и Халтурина и многих других. В ту эпоху частых публичных казней, этот безмолвный действователь, одиноко «работавший» на эшафоте, при неутрахающем грохоте барабанов, под оцепеневшими взорами жутко притихшей толпы, был знаком всей России. Он показывался на помосте, в красной рубахе, почти одновременно с казнимыми и через несколько минут после того, как болтавшиеся в воздухе и уже коченеющие тела опуска-

лись обратно на помост, незаметно исчезал. Его помощники делали почти всю предварительную и последующую работу: строили и разбирали эшафот, прикрепляли веревки, укладывали тела в гробы. Сам «заплечных дел мастер», как называл себя Фролов, этой «черной» работой обыкновенно не занимался.

О Фролове почти ничего неизвестно. Может быть в архивных документах найдутся какие-нибудь сведения о нем, но едва ли они скажут нам, чем был этот человек, что творилось в его душе. По старой традиции палач выходил из среды тяжких уголовных преступников. Иной раз осужденный на казнь за какое-нибудь страшное злодеяние, цепляясь за жизнь, соглашался принять на себя обязанности палача и получал помилование. Появившись один раз на эшафоте в качестве убийцы, он уже не мог избрать себе другую дорогу, навсегда оставался палачем и жил в вечном тюремном заключении, пользуясь лишь некоторым послаблением сурового режима и вознаграждениями за казни. Над ним тяготели презрение и злоба прочих узников, и начальство должно было бережно охранять палача от кровавой расправы. Даже среди приговоренных к казни, униженно моливших о помиловании или отсрочке, не всегда удавалось найти желающего стать палачем. Власти особенно дорожили теми профессионалами веревки, которые умели «скоро кончать» и сокращать процедуру, мучительную не только для убиваемых, но и для всех официальных и неофициальных свидетелей казни. Прочтите казенный протокол об исполнении приговора над перемартовцами, — между строк этого холодного документа вы усмотрите почти похвалу расторопности Фролова, который справился со всеми пятью осужденными меньше, чем в десять минут. Один очевидец говорит, что он «давил артистически». И вы чуть не сами готовы присоединиться к этой похвале: ведь каждая лишняя секунда — целый век страданий.

Кто решился бы добровольно войти в личное общение с палачем, беседовать с ним, как со всяким другим? Ну, конечно, журналист. Он не мог отказать себе в таком странном удовольствии. Он не поддавался отвращению, внушаемому этим человеком, который, сам не рискуя ни волоском, убивает другого человека, безоружного, и связанного, убивает тупо, равнодушно, из голой корысти. Пушкин тоже не мог противостоять «жесточкому любопытству», когда узнал, что готовятся к выходу в свет записки парижского палача, и ожидал их «с нетерпеливостью, хотя и с отвращением». «На каком зверином реве объяснит он свои мысли?» — писал великий поэт. «Что есть общего между ним и людьми живыми?» Это противоположение палача живому человеку, это поставление его рядом с мертвецами — быть может, самое проникновенное определение деятеля эшафота, где «он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль». Палач страшнее мертвеца, он живой мертвец...



В 1880 г. в Россию приехал корреспондент парижских газет Виктор Тиссо, человек молодой, но уже давно обративший на себя внимание как «бойкое перо». Любимым его жанром были путевые очерки, которые он писал «с пылу, с жару», и без всякого углубления в «корень вещей». Буржуазная публика охотно читала как в газетах, так и в отдельно изданных книгах, его описания путешествий по Америке, Германии, Венгрии, Австрии, Северной Африке. В сотрудничестве с другим бойкачем, Аморо, он написал несколько романов. В числе их была «Красная Россия», вещь, не лишенная внешней занимательности для тогдашней европейской публики, но препрошлая. Горячий католик и клерикал, Тиссо изображал ненавистных ему «нигилистов» самыми мрачными красками, и вообще суждения его о русской жизни отличались легкомыслием и невежеством. Этому болтуну, гонявшемуся за сенсацией, хотелось увидеть палача Фролова, как-никак большую русскую знаменитость. Палач, душивший нигилистов, не внушал ему никакого отвращения: скорее он должен был питать к этому палачу расположение. Русские власти разумеется предупредительно относились к реакционному корреспонденту, и, как только он выразил желание, ему было устроено свидание с Фроловым. Об этом свидании есть несколько страниц в книге Тиссо «*La Russie et les Russes. Indiscrétions de voyage*» («Россия и Русские. Доружная болтовня»), вышедшей в 1883 г. в Париже.

«Фролов, всероссийский палач, — бывший убийца, отставной разбойник. Он был приговорен к смерти и казнь ему была заменена пожизненным заключением, но с условием, что он будет для государственной потребности делать то самое, что делал прежде на собственный риск и страх.

Вот уж лет пятнадцать Фролов содержится в московской центральной тюрьме. Когда нужно повесить кого-нибудь в Киеве, Одессе или Петербурге, Фролова отправляют туда под изрядным конвоем. Он, говорят, чрезвычайно любит эти разъезды, являющиеся для него истинными увеселительными прогулками. Когда он появляется в вокзальных буфетах, в них набивается толпа, а сам Фролов угощается на даровщинку.

Мне обещали устроить свидание с Фроловым и даже хотели прислать его ко мне в гостиницу в сопровождении охраны! Но я дорожил там репутацией человека, который водит знакомство только с порядочными людьми, и мне не понравилось такое предложение, хотя оно было внушено самой деликатной внимательностью. К тому же это значило бы вывести Фролова из обычных условий его жизни: если палач содержится в тюрьме, значит и видется с ним надо в тюрьме».

Но Фролова как раз тогда не было в Москве: его должны были привезти из Петербурга. Вечером 7 ноября Тиссо получил извещение, что палач приехал и на другой день, в три часа пополудни, любознательный француз вместе с одним знакомым отправился к нему в тюрьму.

«Снег падал густыми хлопьями. Погода была пасмурная и вполне соответствовала мыслям, которые должны шевелиться в мозгу того, кто едет к палачу.

Руки Фролова, должно быть, еще не остыли после произведенной им казни: он только что возвратился из Петербурга, где повесил двух нигилистов — Преснякова и Квятковского».

В этот момент он был особенно интересен заграничному гостю. Прямо с эшафота! Это увеличивало ценность ожидаемого интервью и придавало особую остроту предвкушаемому удовольствию.

«Центральная тюрьма, где живет палач, находится на окраине города. На вид в ней нет ничего романтического. Представьте себе обширное строение, напоминающее блокауз. Оно обнесено высокой оградой, охраняющей его часовые в серых шинелях. В первом дворе у самого входа — какой-то подвал, вроде погреба. Тут-то и живет Фролов.

Спускаемся по грязной, скользкой лестнице и входим в мрачную комнату, похожую на пещеру, на берлогу хищного зверя. К нам подходит какая-то женщина, за ее юбку цепляется ребенок в рубашечке.

— Где Фролов? — спрашивает ее мой спутник.

— Нету дома... Пошел купить кое-что... Но минут через пять вернется... Вы, может быть, хотите купить веревку?...

— Нет.

— Ах... еще никогда она не была в таком спросе. Садитесь, мой муж сейчас вернется...

Это была жена палача. У нее было румяное лицо, голубые глаза, тихий голос. Одета она была по-крестьянски: сорочка с широкими рукавами, красный сарафан и передник, подвязанный под грудью.

На неопрятном столе шипел толстообрый медный самовар. На стенах висела поношенная одежда, какие-то старые тулупы. Можно было подумать, что это платье, снятое с казненных. А в углу, перед образом Божией Матери, мерцала красная стеклянная лампадка и в полутьме казалась крупной каплей крови.

На дворе, над ними, слышались шаги.

— Вот Фролов! — сказала нам женщина. Конвойные, которые его привели, удалились.

В дверях, заслоняя их собою, появился широкоплечий человек с большой головой, покрытой густой черной гривой. Одет он был так же, как всякий простолюдин: на нем был картуз, красная рубаха, поверх которой надет тулуп, и темные суконные штаны, заправленные в высокие сапоги. Сантиментальные читатели, пожалуй, готовы вообразить, что наружность этого неутомимого человекоубийцы внушает ужас: ничуть. Среди обыкновенных мужиков он может выделяться разве скотской силой, сосредоточенной в его толстом затылке и могучих, мускулистых, коротких руках. Фролов один стоит двадцати солдат. Когда, случается, в тюрьме арестанты начинают волноваться и шуметь, отворяется дверь Фролова; он появляется с нагайкой или дубиной в руке, и тотчас водворяется порядок и тишина. Однажды он просто кулаком уложил наповал двух или трех разбушевавшихся арестантов. Память об этом подвиге сохранилась в тюремных преданиях.

Фролов попросил нас присесть и затем, по нашей просьбе, рассказал нам о казни, на днях приведенной им в исполнение в Петербурге... Такого рода дела совершаются быстро. Неподалеку от тюрьмы рано утром ставят эшафот. На колеснице, окруженные двойным рядом конных и пеших жандармов, подъезжают осужденные. На них длинные белые саваны, руки связаны за спиною, на груди у каждого доска с надписью: «Политический преступник». Их возводят на лесенку из четырех ступеней, тотчас на шею им набрасывают петлю и быстро выбивают из-под ног лесенку. Тела повисают в воздухе... По ногам их пробегают судороги, тела качаются минут пять, и затем все кончается.

— Когда Пресняков — сказал нам Фролов — увидел с колесницы обе виселицы, он усмехнулся и бросил на сопровождающих гордый, вызывающий взгляд. Квятковский, напротив, казался совсем подавленным. Он был бледнее мертвеца, свесил голову на грудь, и она



качалась как пустая... Когда я взял их и повел на помост, я слышал, как Пресняков сказал Квятковскому: «мужайся, брат, не бойся!» Перед смертью оба они сотворили крестное знамение и приложились ко кресту. Квятковскому было лет тридцать, Преснякову двадцать пять.

Передавал нам Фролов эти подробности с мужицким добродушием и простотою, словно какую-нибудь сказку рассказывал. Очевидно было, что вздернуть человека для него то же самое, что для виолончелиста сыграть на виолончели. Он сказал нам, что эта казнь была у него двадцать пятая, и что он надеется, что дела со временем пойдут еще лучше.

Он предложил нам по куску «настоящей» веревки и просто душно сознался, что ее не надолго хватило бы, если бы он иногда не заменял подлинную веревку подложной. Веревки, снятые с повешенных, — это его невинный доход. Игроки — а кто в России не игрок? — на перебой, не жалея денег, стараются обзавестись кусочком роковой веревки, приносящим счастье на зеленом поле.

Фролов проводил нас до верхней ступеньки своего подвала. Когда он спустился обратно, конвойный запер за ним тяжелую красную дверь, придающую жилищу палача вид заправского каземата.

Есть в рассказе Тиссо одна сомнительная деталь. Едва ли Фролов мог принимать участие в усмирении бунтующих заключенных. Ненависть арестантов к палачу (об этом говорили многие, описывавшие тюремный быт) всегда была так велика, что палача и в нормальное время старались держать подальше от них, а во время брожения его вид мог только подлить масла в огонь и окончательно вывести их из себя. Трудно поручиться и за то, что Квятковский и Пресняков действительно приняли на эшафоте последнее «религиозное утешение». О политических борцах это рассказывали гораздо чаще, чем следовало, и иногда это была тенденциозная ложь. Если верить официальному донесению о казни перемартовцев, то на эшафоте все они поцеловали крест; между тем, по словам того же

донесения, накануне казни Михайлов отказался причаститься, Кибальчич не пожелал ни причаститься, ни исповедаться, Желябов и Перовская наотрез отказались даже говорить со священником... Один очевидец их казни сообщает, что они «не отказались приложиться к распятию, но сделали это равнодушно, пожимая плечами», так что мемуарист удивился: «Зачем же они целуют, если не верят?.. Трудно понять состояние человека, который стоит на эшафоте и видит над своей головой намыленную веревку, а под ногами открытый гроб, но здесь могла быть и простая деликатность по отношению к священнику, который хотел облегчить их последние минуты. Этому не очень удивляешься, когда вспоминаешь, какие были сложные, сильные характеры — Желябов, Кибальчич, Перовская. Так же могли поцеловать крест Пресняков и Квятковский. А. В. Богданович в тот же день внесла в свой дневник («Три последних самодержца») интересные подробности, рассказанные ей комендантом Петропавловской крепости Адельсоном, приехавшим к ней с места казни. «Оба причастились, оба обнялись сперва со священником, потом, имея уже завязанные руки, поцеловались друг с другом, поклонились войскам. Когда повешен был Квятковский, Пресняков посмотрел сбоку на эту картину и прослезился»... А на другой день Богданович

опять писала по поводу вчерашней казни: «говорят, что палач Фролов все это делает с бессердечием и даже неловко».

Краткое повествование единственного тогда в России палача прибавляет еще одну яркую заключительную черту к истории главных героев «Процесса Шестнадцати».

Бездонно жуток в своей невзыскательности этот единственный в своем роде рассказ заплечного мастера. Палач на эшафоте описывался часто. Но рассказ самого палача, от первого лица... «Я их взял, я их повел на помост»... Брр! И тихая, голубоглазая жена и ребенок палача, и эта наивная распродажа по кусочкам «той самой» веревки «на счастье». Как просто и как страшно!

Н. Л.





# КИНО-ТРЮКИ

В первом номере нашего журнала были объяснены основные виды трюковой кино-съемки, за исключением так наз. мультипликации. Под этим мудреным словом обычно разумеют так наз. «живые рисунки» или картины, общеизвестным примером которых являются фильмы с участием «Мурзилки».

Способ производства таких оживленных рисунков довольно прост. Как известно, каждая картинка (или «кадр») на кино-ленте отличается от следующей картинке только небольшим изменением в расположении движущегося предмета. Именно это обстоятельство и использовано для оживления рисунков. Достаточно сделать несколько рисунков, которые будут слегка разниться друг от друга и заснять

эти рисунки один за другим на кино-ленте, чтобы можно было получить на экране движущееся изображение. В наших иллюстрациях приведено 6 рисунков обезьянки, бросающей шар. Внимательное рассмотрение этих рисунков ясно покажет читателю принцип, на котором основана мультипликация.

Вероятно, многие из наших читателей видели в кинематографе «страшные» приключения, когда герои проскакивали на автомобиле под самым носом несущегося курьерского поезда. Вероятно, многие из них недоумевали, как это актеры решаются рисковать своей жизнью для таких подвигов. Однако, на самом деле такие трюки в большинстве случаев довольно безопасны. В настоящее время применяется два способа съемки таких трюков. По первому, более старому из них, автомобиль и поезд движутся медленно, примерно со скоростью в 15—20 километров в час. Разумеется, при такой сравнительно небольшой скорости переезд через железнодорожное полотно особой опасности не представляет. Небольшая ошибка в расчете времени может быть легко устранена большей скоростью автомобиля в нуж-

ный момент. Впечатление быстрого движения получается на экране благодаря тому, что съемка ведется в два или в три раза медленнее, чем обычно. А потому, когда лента начнет подаваться с нормальной скоростью, все движения на экране окажутся ускоренными в 2—3 раза. Теперь этот способ в большинстве случаев оставлен, так как он дает недостаточную естественность движению на экране. Так, например, дым у поезда, летящего со скоростью «100 км в час», очень часто идет прямо вверх, а не стелется вдоль крыш вагонов, как это должно быть на самом деле при его настоящей бешеной скорости.

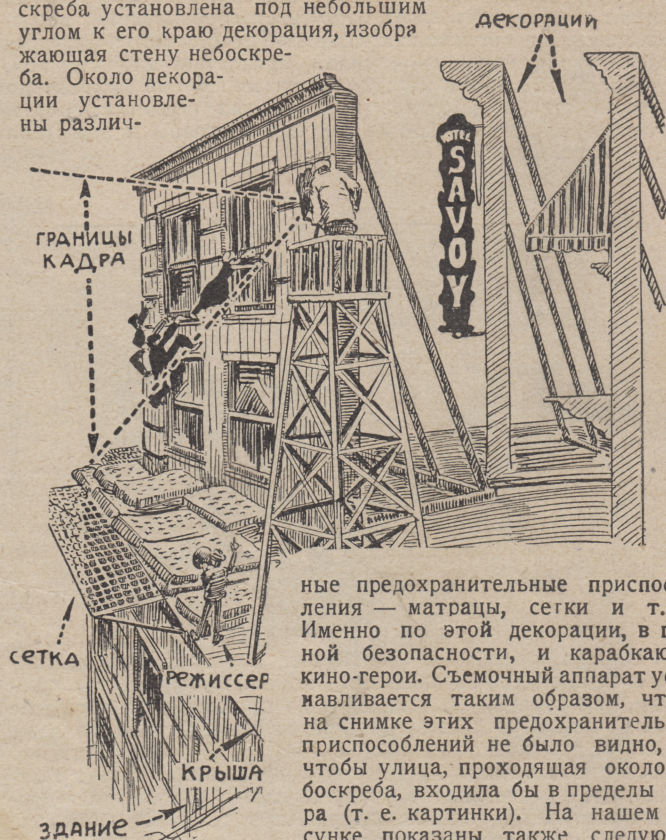
Новый способ такой съемки пользуется уже известным нам приемом остановки или перерыва, который на экране замечен быть не может. Состоит он в следующем: задолго до прохождения поезда, автомобиль с героями полной скоростью переезжает через рельсы и этот переезд снимается. После этого съемка останавливается и автомобиль осторожно возвращается назад к самым рельсам. Теперь остается только дождаться поезда. В тот момент, когда

поезд подходит к переезду, съемка возобновляется и паровоз проходит около самого автомобиля. Впоследствии оба куска склеиваются и на экране зритель видит, как автомобиль быстро переезжает через рельсы и в тот же самый момент закрывается паровозом, который «почти» задел его за задние колеса.

Вообще следует отметить, что методом съемки с перерывом пользуются весьма часто. Достаточно указать на всевозможные исчезновения, превращения и т. д. В тот момент, когда предмет или данное лицо должны исчезнуть или замениться чем-нибудь другим, съемка приостанавливается, производится замена, после чего работа кино-аппарата возобновляется. Большое число таких трюков было применено, напр., в «Багдадском воре», где можно указать на армию, которую Дуглас Фербанкс создает из дымок или взрывов вокруг себя и т. д. Этот же самый способ использован в «Багдадском воре» и «Нибелунгах» для плаща невидимки и маски невидимки.

Другие интересные виды трюков создаются при помощи перспективного искажения. Например, во многих картинах Гарольда Ллойда показывается, как он карабкается по стенам небоскребов, при чем для вышедшей убедительности на экране одновременно показывается расположенная ниже улица, по которой движутся люди, автомобили, трамваи и т. д. Само собой разумеется, что на такие трюки, производимые они бы «без обмана», пошли бы очень немногие кино-актеры и уж во всяком случае не мировые знаменитости, которые слишком дорого расценивают свою жизнь.

Способ производства таких снимков показан на прилагаемом рисунке. Как видно, на крыше настоящего небоскреба установлена под небольшим углом к его краю декорация, изображающая стену небоскреба. Около декорации установлены различные

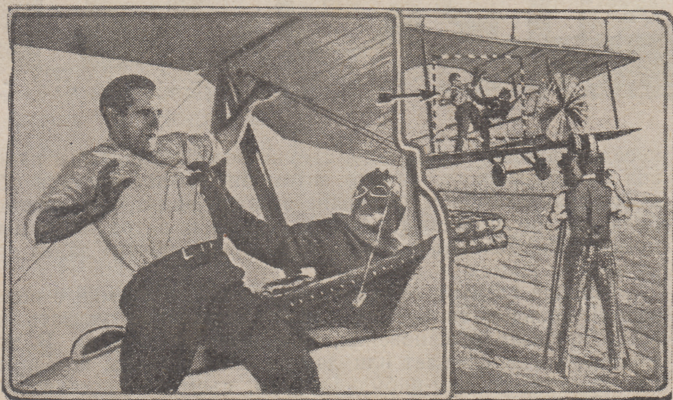


ные предохранительные приспособления — матрасы, сетки и т. д. Именно по этой декорации, в полной безопасности, и карабкаются кино-герои. Съемочный аппарат устанавливается таким образом, чтобы на снимке этих предохранительных приспособлений не было видно, но чтобы улица, проходящая около небоскреба, входила бы в пределы кадра (т. е. картинки). На нашем рисунке показаны также следующие декорации, поставленные сзади первой, которые впоследствии будут использованы для дальнейших съемок.

На этом же принципе в большинстве случаев основаны всякого рода снимки «на аэроплане». Достаточно немного подумать, чтобы стала понятной трудность производства съемки на летящем аэроплане. Не говоря уже о том, что



такая съемка чрезвычайно трудна, она оказалась бы на экране очень неудовлетворительной: от работы мотора самолет все время дрожит и снимки получились бы танцующими. На самом деле почти все такие съемки производятся



в кино-ателье. Аэроплан подвешивается на нескольких тонких проволоках к потолку, мотор его пускается в ход для создания ветра, необходимого для естественности эффекта, а самую съемку производят с полу или со специальной вышки, на которой установлен кино-аппарат. Сзади само-

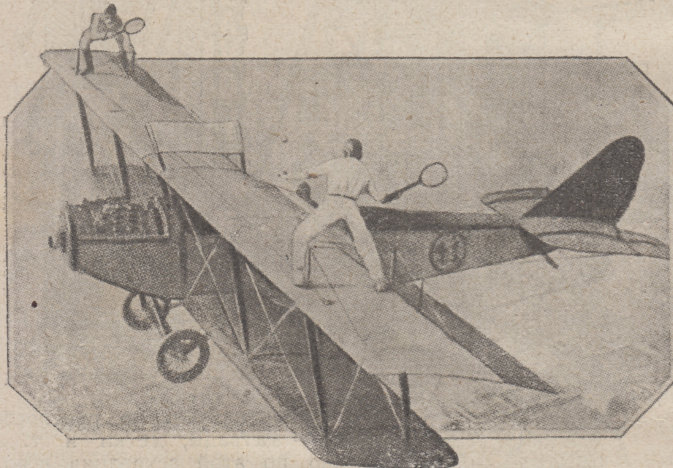
лета устанавливается какой-нибудь светлый фон, изображающий небо. Чтобы создать впечатление летящего аэроплана, кино-аппарат время от времени слегка качают. На нашем рисунке показан примерный вид такой съемки. Как видно, даже под подвешенным аэропланом положено несколько матрацов, чтобы кино-актеры не ушиблись в случае падения.

Теперь мы опишем несколько различных мелких уловок, к которым прибегают кино-режиссеры для засъемки каких-нибудь оригинальных явлений. Например, в целом ряде американских комедий были выведены танцующие куры, которые повидимому исполняли свой танец под какую-то музыку. На самом же деле это объяснялось вовсе не специальной дрессировкой, как можно было подумать, а тем, что куры были посажены на сильно нагретый лист железа. Чтобы не обжечься, куры, конечно, все время переступали с одной ноги на другую.

Во многих случаях в картинах показывают, как герой спускается на лошади по почти отвесному обрыву. Этот эффект достигается путем такой установки кино-аппарата, чтобы склон был преувеличен. Тем же способом можно увеличить рост какого-нибудь человека, снимая его, например, с уровня пояса, вместо уровня груди. Глаз зрителя, привыкший к съемкам со второго уровня, невольно будет введен в заблуждение. Целый ряд режиссеров, особенно в комедиях, преувеличивают рост действующих лиц, пользуясь миниатюрной мебелью. Сравнивая рост актеров со стульями и столами, размеры которых зрителю кажутся известными заранее, публика будет обманута.

## СПОРТ И ПОГОНЯ ЗА ТРЮКАМИ

Говорить о необходимости спорта много не приходится. Коньки, лыжи, буера, сани и аэросани зимой, а плавание, паруса, гимнастика, езда верхом, на велосипеде и мотоцикле летом — вот далеко неполный перечень тех возможностей, которые предоставляются спортсмену в продолжение круглого года как для правильного развития его мускульной силы, так и для выработки ловкости, смелости, верности глаза и быстрого соображения в каждый данный момент. Спорт неизбежно порождает соревнование; встречающиеся на состязаниях спортсмены стараются переиграть своих соперников силой, ловкостью или умением, и ревностно готовятся к таким состязаниям, они доходят до высокой степени искусства в различных областях спорта, зачастую создавая рекорды для целой страны и даже для всего мира.



Однако, некоторые спортсмены, в погоне за известностью (а иногда и за деньгами), понемногу впадают в трюкизм, превращая полезные для организма физические упражнения на открытом воздухе во вредные и часто даже опасные для жизни и здоровья занятия. В особенности это замечается в падких до трюков Соединенных Штатах Америки, где многие лица, в угоду вкусам пресытившейся зрелищами публики, специализируются в ненужном и подчас весьма рискованном мастерстве.

Приведенные фотографии наглядно иллюстрируют это на деле: вот теннисный матч на высоте 3.000 фут. над землей на крыльях самолета (рис. 1) или «вольная гимнастика» в тех же условиях. Эти опасные трюки наблюдались скупящей публикой Лос-Анжелоса из кабин аэропланов, специально нанятых для этого сенсационного зрелища;

вот «фигурное» катание на коньках в Швейцарии, когда неловкое движение одного из партнеров неизбежно причинит другому тяжелые увечья (рис. 2).



Много можно было бы привести примеров этого

нездорового уклона в трюкизм, который, к счастью, не прививается в нашей стране. Ведь спорт сам по себе так многообразен, что любители сильных ощущений смогут, не переходя известных границ, задавать достаточно сильные встряски всему своему организму. Разве не волнует хотя бы изумительный прыжок на лыжах с высоты, или состязание в скорости буера

и мотоциклета, или следование на лыжах за бешено мчащейся лошастью — кстати излюбленный спорт в Швеции на-

и мотоциклета, или следование на лыжах за бешено мчащейся лошастью — кстати излюбленный спорт в Швеции на-

и мотоциклета, или следование на лыжах за бешено мчащейся лошастью — кстати излюбленный спорт в Швеции на-



и мотоциклета, или следование на лыжах за бешено мчащейся лошастью — кстати излюбленный спорт в Швеции на-

И. Б. Комаров.



# ВСЕМ НАМ ИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ НА ЭКРАНЕ

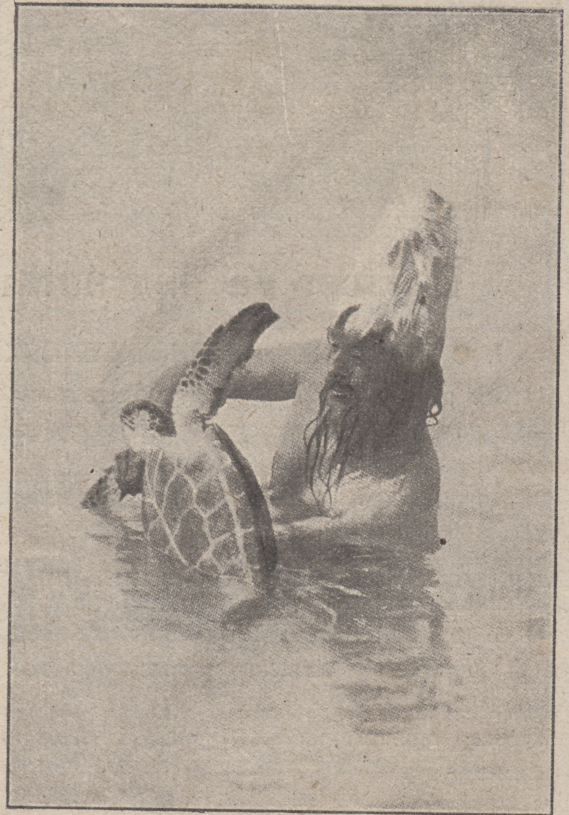
В марте этого года известной кино-компанией Гомон выпускается за-границей картина приключений нам с детства знакомого Робинзона Крузо.



„Остров Робинзона Крузо“.

Даниель Дефо, автор «Робинзон Крузо», как известно, не просто выдумал из головы своего героя, но воспользовался действительным кораблекрушением и долгим пребыванием на необитаемом острове некоего Александра Селькирка. Д. Дефо избрал для своего Робинзона те же места и ту же природу, среди которых жил Селькирк, успевший совершенно одичать, однако, к тому времени, когда его нашли европейские моряки.

Впервые «Робинзон Крузо» был издан Дефо в 1719 г. и вот же более двухсот лет эта книжка продолжает оставаться любимейшим чтением всех детей.



Робинзону удается поймать в море огромную черепаху.



„Пятница“ — спасенный от людоедов.

Робинзон впервые за долгие годы видит след человека.

Робинзон готовится отразить нападение.





## В. ответ на ряд читательских вопросов разъясняем:

### I. О ПОДПИСКЕ И ПРИЛОЖЕНИЯХ.

1) Все приславшие в контору издательства 40 или 50 коп. засчитывают эту сумму в доплату за журнал на любой из объявленных нами сроков.

2) Подписную плату лучше всего пересылать почтовым переводом.

3) Новые подписчики получают все вышедшие номера, начиная с первого.

4) В течение 1927 г. все подписчики получают 24 номера журнала. Подписка на год считается до 1-го января 1928 г.

5) Все приложения к журналу отдельно высылаться не будут.

### II. О ПРЕМИЯХ.

Все разъяснения по этому вопросу даны в номере втором, на 3-ей странице обложки и в отделе «Наша переписка».

### III. О РУКОПИСЯХ.

Всех авторов просим присылать рукописи переписанными на машинке или четко написанными. Желательные размеры рассказов  $\frac{1}{2}$  или  $\frac{3}{4}$  листа. Неприятные рукописи не возвращаются. Адресовать: Редакция «Вокруг Света», Фонтанка 57.

### IV. „ЖИВАЯ ЦЕПЬ“.

1) Названия из двух слов (напр., очковая змея, ангорская кошка) в цепь не включаются.

2) Связующее звено может одинаково состоять из 2 и 3 букв. Чередоваться эти двух- или трехбуквенные звенья могут в любом порядке.

3) Местные туземные названия животных, известные только узкому кругу специалистов, исключаются (напр., «мудела», т.-е. гангский крокодил). Равным образом исключаются и названия тех вымерших животных, которые относятся к давно прошедшим временам (динозавр, плезиозавр и т. д.).

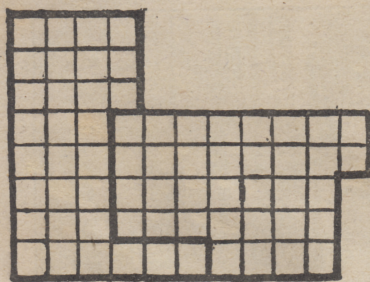
4) Каждое название животного употребляется в цепи только один раз. «Медведь» и «медведица», напр., считается за одно название.

5) В цепь включаются решительно все живые существа, всех родов и видов.

## ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Способность к анализу.

Жирной линией обведены те места, разрезав по которым данный рисунок, мы можем воссоздать первоначальный квадрат.



Подвижность ума.

Первый сосуд в 1,5 литра, второй в 4,5 и третий в 9 литров. Все сосуды содержат 81 литр.

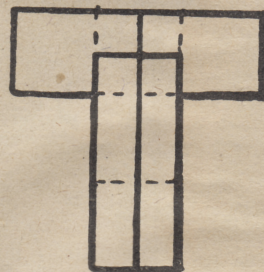
Сколько же лет?

Они женаты 28 лет.

В чем ошибка? — Носорог животное не плотоядное.

Чувство формы и симметрии.

В данном рисунке участок разделен на четыре одинаковых части.



Быстро-ли схватываете?

Первый кандидат получил 3000 голосов, второй—2400, а третий—1800.

Склонны-ли вы к математике?

$$3 + 1,5 = 4,5$$

$$3 \times 1,5 = 4,5$$

Задача на воображение.

Да-с, не лето, стужа, тем!



## ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Подписчики, которые свою подписную плату направляют непосредственно по адресу издательства (Ленинград, Фонтанка, 57) будут получать журнал бандеролью с наклеенным на ней подробным адресом подписчика. Таким путем гарантируется своевременное получение журнала.

### ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕДИНСТВЕННЫЙ В СССР ПО ТИПУ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ  
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ЖУРНАЛ

# „Юный Пролетарий“

## „ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

печ. тает рассказы и стихи, очерки и статьи, освещающие вопросы науки, политики, текущей жизни и комсомольской работы.

В журнале большое место отводится бытовому отделу. Здесь печатаются очерки и фельетоны лучших авторов на бытовые, злободневные темы, интересующие широкие круги рабочей молодежи.

## 48 СТРАНИЦ

интересного литературно-художественного, научного и фельетонного текста и большое количество хороших иллюстраций, рассказов, статьи и фельетоны лучших авторов.

## „ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

объединен с существовавшим ранее журналом „Ленинский Комсомол“ и выходит в издательстве „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Журнал богато иллюстрирован.

В текущем году журнал предполагает выпускать дешевую юношескую библиотеку „ЮНОГО ПРОЛЕТАРИЯ“.

СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ!

### ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес. — 25 к., на 3 мес. — 70 к., на 6 мес. — 1 р. 30 к., на 1 год — 2 р. 50 к.

Цена № в розничной продаже — 15 коп.

Подписавшимся одновременно и на журнал „ВОКРУГ СВЕТА“ плата понижена.

### УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ С „ВОКРУГ СВЕТА“:

#### С ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

На 1 мес. — р. к., на 3 мес. — 2 р. 60 к.  
на 6 мес. — 5 р., на 12 мес. — 9 р. 25 к.

#### БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:

На 1 мес. — 60 к., на 3 мес. — 1 р. 70 к.,  
на 6 мес. — 3 р. 40 к., на 12 мес. — 6 р. 25 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Подписка принимается также во всех почтово-телеграфных конторах СССР.





# „ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ  
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

## НАША ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ!

Вам известен, конечно, список тех премий, которые получают подписчики „ВОКРУГ СВЕТА“, одни из которых достанутся счастливому, а другие — энергичному. Но может ли быть оставлена без внимания и сообразительность наших читателей? Конечно, нет! А потому и объявляем наш первый конкурс на тему:

### „ЖИВАЯ ЦЕПЬ“

Эта цепь должна состоять из названий всевозможных животных (зверей, птиц, рыб, змей и т. д.). Каждое название является как бы отдельным звеном цепи и каждое звено должно быть связано с другими так, чтобы две или три (один раз две, другой — три) последних буквы каждого названия составляли начало следующего названия. Одна буква для соединения звеньев цепи не годится. Вся цепь состоит не из названий либо одних зверей, либо одних птиц, либо одних рыб, либо одних насекомых и т. д., но из названий всех животных. Напр.: тигр, гризли, лиса, са...? Здесь взято для примера соединение только двумя буквами и одних только зверей.

Составившие наиболее длинную „ЖИВУЮ ЦЕПЬ“  
получат четыре премии:

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ  
**КАРМАННЫЕ ЧАСЫ, ВОРОНЕННЫЕ**

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ  
**ПОРТФЕЛЬ (черной или желтой кожи)**

ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ  
**БУМАЖНИК КОЖАНЫЙ**

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМИЯ  
**КОШЕДЕК-ПОРТМОНЭ**

Фамилии выигравших премии, а также шести следующих лиц, составивших наиболее длинную цепь, будут напечатаны в журнале вместе с их решениями.

**20 АПРЕЛЯ ПОСЛЕДНИЙ СРОК ПРИСЫЛКИ  
РЕШЕНИЙ.**

Редакция умышленно взяла этот далекий срок, чтобы дать возможность принять участие в конкурсе живущим далеко от центра.

**РЕШЕНИЯ НАПРАВЛЯТЬ:**

**Ленинград, Фонтанка, 57**

**„ВОКРУГ СВЕТА“**

